

Шаветт Э.

ТОЧИЛЬЩИК

КЛАССИКА
ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКОГО
РОМАНА

Эжен Шаветт

Точильщик

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28469413

Точильщик: Роман: Мир Книги Ритейл, Литература; Москва; 2011

ISBN 978-5-501-00018-6

Аннотация

Эжен Шаветт (настоящая фамилия Вашетт; 1827–1902) – французский поэт и писатель, автор исторических и приключенческих романов, часто основанных на фактическом материале. В 70-80-х годах XIX столетия в России было издано много его произведений. «Куртизанка», «Роковое наследство», «По туманным следам», «Сбежавший нотариус» – их названия говорят сами за себя. Практически обязательным атрибутом любой книги Шаветта была какая-то роковая тайна.

В романе «Точильщик» описаны события, предшествующие государственному перевороту во Франции 18 брюмера (9 ноября 1799 г.), в результате которого к власти пришел Бонапарт. Канву этой романтической истории составляют усилия молодых роялистов – шевалье Ивона де Бералека и его друга графа Кожоля, – руководимых герцогом де Монтестье, непримиримым противником Наполеона, захватить власть, чтобы передать ее в руки короля. Но для этой цели требуются деньги. Их наши герои собираются получить, отыскав сокровища казненной на эшафоте

знаменитой куртизанки Дюбарри, зарытые, по ее предсмертному показанию, в подвале частного дома. Но поисками этого же клада занимается и шайка разбойников, во главе которой стоит таинственный Точильщик.

Содержание

Часть первая	6
Глава 1	6
Глава 2	17
Глава 3	19
Глава 4	30
Глава 5	40
Глава 6	48
Глава 7	59
Глава 8	77
Глава 9	85
Глава 10	92
Конец ознакомительного фрагмента.	108

Эжен Шаветт

Точильщик

© ЗАО «Мир Книги Ритейл», оформление, 2011

© ООО «РИЦ Литература», 2011

Часть первая

Дом Сюрко

Глава 1

Узкая улочка Пла-де-Этен представляла собой холодную сырую щель между двумя рядами высоких хмурых домов. Солнце сюда не заглядывало, и улица, как и большинство ей подобных в Париже, тонула в грязи.

В одно прекрасное июньское утро 1798 года, шестого года Республики, управляемой в то время Директорией, молодой человек появился на углу улиц Бурдоне и Пла-де-Этен. Быстро оглянувшись по сторонам, словно опасаясь слежки, он уверенно пошел вперед.

Дойдя до середины улицы, он свернул к узким и низким дверям, где на уровне человеческого лица была закреплена решетка.

Он поднял железный молоток и ударил три раза в двери. Дверца за решеткой распахнулась, и в этом отверстии показалось лицо.

– Шесть, – сказал молодой человек.

– Четыре, – отозвались из-за ворот.

– Шесть и четыре составляют шестнадцать, – заявил при-

шедший.

Этот невероятный способ сложения, видимо, вполне устраивал спрашивающего. Потому что дверь открылась как раз настолько, чтобы незнакомец смог протиснуться в темную и сырую прихожую.

Рослый парень, служивший сторожем, тотчас же запер дверь на засов и повернулся к незнакомцу.

– Что вам угодно? – спросил он, уставившись на вошедшего. Руки его в это время явно нащупывали оружие в складках широкого плаща.

– Мне нужен господин Бурже.

– Он в деревне.

– Для тех, кто приехал из Шан-Руж, он вернулся, – возразил посетитель.

Фраза явно служила паролем, так как у привратника даже изменился голос.

– Одну минуту, я сейчас узнаю, сможет ли принять вас господин Бурже...

Указав гостю на деревянную скамью у стены, он быстро поднялся по лестнице.

Пришедший сел на скамью. Это был высокий, стройный молодой человек лет двадцати восьми. Его движения были пластичны и грациозны, а небольшой размер ноги и изящные руки выдавали происхождение, тщательно скрываемое под одеждой простого работника.

Глубоко надвинутая шляпа скрывала лоб, длинные тем-

ные волосы падали на скулы, а подбородок и даже частично рот были скрыты огромным галстуком, только недавно вошедшим в моду.

Хорошо видны были только глаза. Внимательные, черные, они сверкали той отвагой, которая в молодости может довести до любого безрассудства.

– Господин Бурже готов принять вас, – доложил появившийся привратник.

Молодой человек последовал за ним. Лестница заканчивалась узкой площадкой, на которую выходила только одна дверь.

Слуга посторонился, пропуская вперед гостя, и тотчас запер дверь, облокотившись на нее.

Молодой человек подумал, что в случае чего путь к отступлению отрезан, но не подал и малейшего виду, что заметил это.

Комната была заполнена множеством коробок, ящичков, чучелами птиц. Повсюду стояли банки с ящерицами, бабочками, змеями... Казалось, что это Ноев ковчег, законсервированный из любви к науке.

Посреди комнаты стоял сухой, сморщенный старик в огромных зеленых очках и через лупу рассматривал великолепную бабочку.

При виде молодого человека старик улыбнулся.

– Держу пари, – произнес он скрипучим голосом, – что, наслышавшись о старом дураке, вы решили проникнуть в его

берлогу.

Старик бросил взгляд на бабочку.

– С тех пор как у меня украли целый ящик индийских летучих мышей, ко мне стало не так-то легко попасть.

Молодой человек переждал этот поток слов из уст того, кого в эпоху общепринятого «гражданин» продолжали называть «господин Бурже», и спокойно произнес:

– Я думаю, что нам есть о чем поговорить, кроме летучих мышей, господин аббат.

– Аббат?! Что еще за аббат, любезный друг?

– Меня прислал к вам Великий Дуб.

Старик был ошеломлен.

– Великий Дуб, – повторял он, – Великий Дуб!..

– Ваш старинный друг, господин аббат.

Старик покачал головой и с улыбкой произнес:

– Мой мальчик, я считал, что здесь только один сумасшедший, то есть я, но вижу, что вы не в лучшем состоянии. Что это еще за фантазии? Аббат, Великий Дуб... «старый друг», которым вы меня награждаете... – Он помолчал минуту и продолжал: – Правда, у меня очень плохая память на лица и имена. Возможно, потому, что я вечно вожусь с бумагами. Во всяком случае, почерк я еще в состоянии запомнить, но имя...

Молодой человек улыбнулся, снял шляпу и вытащил из нее маленькое письмо.

Подав письмо, он другой рукой машинально отбросил со

лба прядь волос и открыл лицо.

– Тысяча святых! – воскликнул старик. – Бывают же такие красавцы!

Открыв письмо, он прочел:

«Господин аббат! Вы требовали от меня, чтобы я прислал вам красавца. Я посылаю вам шевалье Ивона де Бералека. Помимо того, что красив, он еще храбрый и энергичный солдат. Я думаю, что все его качества пригодятся нашему делу.

Великий Дуб».

Прочитав письмо, старик внимательно посмотрел на шевалье. Потом скатал письмо в шарик и сжег.

– Жермен, – обратился он к слуге, – ты можешь идти, мне надо поговорить с молодым человеком.

Слуга поклонился и вышел.

– Ну что же, – начал старик, причем даже голос его ничем не напоминал прежний, – будем считать, что знакомство состоялось.

Он пригласил Ивона де Бералека сесть, сам уселся поудобнее на другом конце стола, положив на него свои огромные зеленые очки. Открывшиеся теперь глаза были небольшие, серого цвета, лукавые и острые, как буравчики.

Ивон также рассматривал аббата. Вместо дрожащего полумного старика, с которым он говорил минуту назад, перед ним был человек строгого вида, с внушительным голосом и изысканными манерами.

– Шевалье, я хотел бы задать вам несколько вопросов по поводу вашей жизни...

– Моя жизнь, – невесело улыбнулся Ивон, – похожа на жизнь многих молодых дворян. Когда установилась Республика, я со своим отцом вступил в Вандейскую армию. Шесть лет сражался против синих...

– А ваши родители?

– Отец расстрелян в Нанте, мать умерла на эшафоте в Ренне, – медленно произнес Ивон.

– А какая-либо привязанность?...

– Мой замок сожгли и... – Шевалье колебался.

– И? – настаивал аббат.

– И обесчестили ту, которую я любил, – задыхаясь от гнева, ответил ему де Бералек.

– Итак, вы принадлежите королю?

– Душой и телом!

– И вы готовы на все, чтобы свергнуть их проклятую Республику?

– Да! – отвечал Ивон.

– Даже на самое опасное дело?

– Да, да, да!

– Ну что ж! Мой молодой друг, вы сможете вернуть королю его власть и свергнуть правительство, которое вы презираете!

– Моя кровь, жизнь, честь – все в вашем распоряжении!

– О, мой молодой друг, – заметил старик, – ваша задача

будет довольно простой и приятной.

– А именно?...

Аббат улыбнулся, откинувшись на спинку стула:

– Всего лишь дать увлечься собой одной молодой и красивой женщине.

– Вы, конечно, изволите шутить, сударь? – сухо осведомился Ивон.

– Я не оговорился, это действительно очень важно, – серьезно произнес аббат.

Тот, кого шевалье называл аббатом, был одним из руководителей роялистской партии, яростной противницы Республики. Его настоящее имя – Франсуа Ксавье, аббат Монтестье Фезсак, ставший впоследствии герцогом Монтестье. И не было у Республики более непримиримого и упорного врага. Если бы судьба не противопоставила ему генерала Бонапарта, возможно, что судьба Республики была бы предрешена...

Возвратившись недавно в Париж, Монтестье опять начал свою борьбу. Полиция была поставлена на ноги. Но он оказался гениальным конспиратором и скрывался более чем в двадцати заранее подготовленных убежищах. Этот человек, которого мы впервые увидели дряхлым стариком, имел от роду всего сорок лет.

В Англии, Швейцарии, Германии, Париже его приказания членами роялистской партии не обсуждались, какими бы странными они ни казались. Примером может служить хотя бы его приказание шуану Великому Дубу – найти хоро-

шенького юношу.

Шевалье де Бералек, поняв, что старик говорит вполне серьезно, покачал головой:

– Боюсь, я не смогу выполнить вашего задания.

– Отчего же?

– Мое сердце мертво с того дня, как синие похитили мою невесту.

– Но при чем тут ваше сердце, шевалье? – возразил аббат. – Я был бы в отчаянии, если вы хотя бы на минуту почувствовали к этой женщине сердечное влечение. Я поручаю вам сражаться, а не любить!

– Вы называете это сражением?

– Да, Бералек! Я настаиваю на этом. И учтите, это задание уже стоило жизни троим из наших.

Ивон встрепнулся. Опасность манила его.

– Эта женщина стала причиной смерти трех человек?

– Да, трех молодых и не менее храбрых юношей, которые были вашими предшественниками и – пропали...

– Так вы предлагаете мне действительно опасное дело, а не альковное приключение? – с загоревшимися глазами спросил Ивон.

– Вам потребуется быть одновременно осторожным, мужественным и хладнокровным, так как эта женщина окружена тайным надзором. А их агентов я так и не смог до сих пор узнать.

– Если за этой женщиной скрываются мужчины, я готов

принять вызов!

– Это достаточно серьезный вызов, друг мой. И если вы преуспеете в этом предприятии, ваше будущее обеспечено...

При слове «будущее» Бералек усмехнулся:

– Если верить ворожее, которая гадала мне перед отъездом в Париж, то мне обеспечена гильотина до тридцати пяти лет. Либо я должен сам подняться на помост для того, чтобы на пути к спасению испить чашу блаженства.

– Да-а, звучит весьма загадочно...

– Но пока голова моя еще принадлежит мне. Да к тому же я не имею ни малейшего желания разгадывать абракадабру безумной старухи; давайте, господин аббат, вернемся к нашему делу.

– Так вы решились?

– Безусловно. Кто же та, которая должна полюбить меня?

– Это любовница Барраса, – отвечал аббат.

При этом имени Ивон пристально посмотрел на Монтескье и спросил:

– Вы действительно уверены, что восстановление королевской власти зависит от этой женщины?

– Я берусь это доказать.

– Я слушаю вас.

– Единственный человек, который действительно опасен для Директории и которого они постарались удалить из страны вместе с армией, – это Бонапарт. Они прекрасно понимают, что у него есть своя цель помимо той, чтобы помогать им

удерживать их распадающуюся власть.

– Пожалуй, это действительно их единственный опасный враг.

– И наш также. Но спасибо Республике, она отправила его в Египет, где климат, турки, англичане, чума и многое другое заставят его сложить там голову.

– Да будет так! – добавил шевалье.

– Везде убийства, нищета и проклятия. Между тем эмигранты потихоньку возвращаются на родину...

– Какая роль в ваших замыслах отведена этой женщине?

– Сейчас объясню. Видя, что от Республики он может получить намного меньше, чем от нас, Баррас не прочь был бы перейти на нашу сторону, но взамен он требует шесть миллионов экю, сто тысяч ежегодного дохода и замок Шамбор.

– У него явно неплохой аппетит, – заметил Бералек.

– Его привлекает только золото. А его неслыханная расточительность держит его в постоянной нужде. Эту нужду мы должны увеличить до огромных размеров. Этой цели можно достичь только через его любовницу. Безусловно, если руководить ею будем мы. То есть она должна пользоваться советами «друга»... Тогда Баррас вынужден будет обратиться к нам за деньгами.

– И этим «другом» должен буду стать я?

– Да. И учтите, что предприятие это очень опасно. Там пропало уже трое наших людей. Никто не знает, откуда взялась эта женщина, что она собой представляет. Но ясно од-

но: шпионы всех мастей крутятся в ее свите. Сначала мы думали, что она работает на Бонапарта. Но у него ни гроша за душой, а такие союзники Барраса не интересуют.

– Еще один вопрос, – вставая, проговорил Бералек, – где я найду эту женщину?

– Она будет руководить праздником, который Баррас дает сегодня ночью в Люксембургском саду.

– Сегодня ночью я ей представлюсь, – заявил Ивон.

– Где вы остановились?

– В отеле «Страус» по улице ла Луа.

– Хорошо. К вечеру вам вручат двести луидоров для начала.

Бералек удалился.

Оставшись один, аббат прошептал:

– Это моя последняя ставка. Кажется, я рассчитал все.

Увы! Расчет его был неточен. Он не знал о существовании грозного врага. Враг этот был – «Товарищи Точильщика».

Глава 2

Давно известно, что индустрия удовольствий достигает самого большого расцвета во времена всеобщей нищеты, коммерческих и политических кризисов.

Промышленность и торговля пришли в упадок. Страна была залита кровью из-за борьбы всевозможных политических партий. Но никогда еще Париж не веселился так лихорадочно.

Страной правил террор, но повсюду устраивались бешеные вакханалии.

Люди умирали от голода, на улицах убивали, но везде происходили гулянья с танцами. Так как частные лица боялись открывать гостиные, то все классы общества объединялись на балах, устраиваемых по подписке или в общественных зданиях.

Великолепный сад генерала Буттино, погибшего на гильотине, названный Тивольским, первым открыл свои ворота для публики. Потом пошли балы в Елисейском дворце и в Саду Капуцинов. Плясали везде, даже на кладбище Сен-Сюльпис, где надгробные камни просто свалили в одну кучу.

Не стоит, пожалуй, перечислять все балы. Достаточно сказать, что за два года их прошло больше ста шестидесяти. Это уже походило на эпидемию плясок.

Супружеские узы ничего не стоили. Нравы были развращенные.

щены до предела. Женщины появлялись даже на улице почти обнаженными. Не менее странно были одеты и их спутники, которых народ прозвал «щеголями».

Бал, на котором должен был присутствовать Бералек, давался по случаю взятия Мальты Бонапартом. Директория праздновала это событие еще и потому, что оно обеспечило ей удаление человека, в котором она видела самого большого врага для себя.

По приказанию Барраса сад был очищен от публики и входы были заперты.

Народ, вытесненный из него, столпился у входа во дворец и встречал подъезжающих свистом и руганью.

Мало-помалу приглашенные собрались, толпа наполнила залы и сад. Все с нетерпением ожидали появления новой пастии Барраса.

Дворцовые часы пробили десять, и толпа зашумела. Со всех сторон слышалось: «Вот она...»

Глава 3

Бералек направился к себе в гостиницу.

Хозяин гостиницы, гражданин Жаваль, был олицетворением трусости. Во время террора он так боялся за свою голову, что навсегда сохранил боль в шейных позвонках. О чем бы его ни спрашивали, он только отрицательно мотал головой.

Страх толкал его на дикие выходки.

– Если неприятель вторгнется во Францию, – разглагольствовал он, – я в тот же миг буду на пограничной заставе. Да, я своими руками отрублю себе голову и, подав ее неприятелю, заявлю: «Смотри, на что способен свободный человек! Попробуй подойди!»

Эта идиотская фраза ужаснула соседей. Со временем они стали поддразнивать его.

Любая чепуха могла привести в отчаяние этого жалкого человечка. Ему все казалось подозрительным. Несчастного разбил бы паралич, если бы он узнал, что его жилец – Ивон Бералек, который прописался под именем Работена, странствующего приказчика, был одним из самых отважных начальников шуанов, что он двадцать раз уже должен был быть расстрелян и что полиция была бы в восторге, если бы ей удалось схватить его.

И хотя у Жавалья не было никаких оснований для подо-

зрений по поводу жильца, тем не менее что-то вызывало его недоверие. Он с нетерпением ожидал его возвращения.

Возвратившись от аббата, Ивон застал хозяина в передней.

– Гражданин Работен! Вы кого-нибудь ожидали сегодня? – спросил этот достойный человек.

Жизнь, полная ловушек и неожиданностей, приучила Ивона к осторожности.

– Ждал ли я кого-нибудь? Постойте, дайте-ка припомнить...

Бералек лихорадочно соображал: «Знакомых у меня в Париже нет. Возможно, меня выследили?...» Жаваль пришел ему на помощь.

– Здесь был молодой человек с длинными волосами и палкой в руке.

– И он спрашивал именно меня?

– Да.

– Работена?

Ивон знал, что никто, кроме Жавалья, не знал его под этим именем.

– Да нет. Он сказал, что не помнит вашего имени.

– Так с чего же вы взяли, что он спрашивал меня?

– Он так тщательно описал вас...

– Он ничего не передал мне? – спросил заинтересованный

Ивон.

– Нет. Но он сказал, что придет сегодня еще раз.

– Ну, в таком случае, пошлите его ко мне, когда он явится.

– Договорились.

Ивон зашел в свою комнату, размышляя, кто бы это мог быть. Одно было несомненно: этот человек не желал ему зла, так как не назвал хозяину его настоящего имени.

В конце коридора раздались звуки шагов.

«Их двое», – подумал Ивон, доставая из кармана куртки пару маленьких пистолетов.

Он оставил ключ снаружи, и теперь было поздно вынимать его.

Став под дверь, он сжимал в каждой руке по пистолету.

В дверь постучали. И голос Жавалья проговорил:

– Гражданин Работен, я привел к вам утреннего посетителя.

Ивон сунул пистолеты в карман и подумал, что если это друг, то теперь он знает его новое имя. И тут же он услышал второй голос:

– Работен! Ну конечно же Работен... Ну как я мог забыть!

– Войдите! – крикнул Ивон.

Дверь отворилась, и на пороге показался высокий молодой человек.

– Гражданин Работен! Мне надо поговорить с вами.

– Я к вашим услугам.

Ивон подошел к двери с намерением закрыть ее. Жаваль стоял у двери.

– Благодарю вас, что проводили моего посетителя.

Ивон закрыл дверь перед носом хозяина. Оставшись вдвоем, молодые люди бросились друг к другу. Пришедший сразу шепнул Ивону на ухо:

– Посмотри под дверь.

Ивон быстро повернулся. Из-под двери выглядывал ботинок Жавалья.

– Обожди, – прошептал пришедший.

– Гражданин Работен, вы знаете, что на хозяина этой гостиницы был сделан донос? Но прежде чем расстрелять его на Гренельской площади, мы послали тебя, чтобы ты проследил за ним. Я жду твоего отчета.

Ивон поддержал шутку гостя. И отвечал четким голосом, чтобы Жаваль мог его хорошо слышать.

– Этот человек был нам указан, как роялистский шпион. Он подслушивает все, что говорится, где только может, и передает все врагам Республики. Я думаю, что скоро накрою его с ухом, прислоненным к дверям.

– Я думаю, что этого будет достаточно для двенадцати пуль в живот.

Ботинок из-под двери исчез.

Жаваль летел по коридору, бормоча себе под нос:

– Я погиб! Надо убедить их, что я патриот, иначе...

Юноши расхохотались.

– Пьер! Откуда ты взялся здесь?!

– А ты сам? Вандея заключила мир с Республикой. Безусловно, он не продержится долго. Но что мне теперь было

делать? И я сказал себе: «Ивон уехал, чтобы получать и наносить удары. Какую-то их долю я мог бы взять на себя». И вот я здесь! Недаром меня прозвали Собачьим Носом!

Ивон рассмеялся.

– Ты ошибаешься, Пьер. Данное поручение могу выполнить только я один.

– Не может быть!

– Мне велено влюбить в себя красивую женщину.

Пьер вытаращил глаза.

– Да, – продолжал Ивон. – Это посложнее, чем рубить синих. Я должен превратиться в щеголя, мой милый!

– Она действительно красива? – спросил Пьер.

– Говорят, да. Я увижу ее сегодня вечером в Люксембургском саду на балу, который дает Директория.

– Ты приглашен?

– Мне должны прислать сюда письмо с приглашением... –

Ивон замолчал на середине фразы. – Черт возьми! – вскричал он. – Вместе с приглашением мне должны передать двести луидоров! Но я не сказал тому, кто должен это сделать, под каким именем я здесь остановился. Представляешь, что будет с хозяином, когда спросят Бералека и обрисуют меня!

– Но зачем эти предосторожности? Республика подписала мир с Вандеей. Нам всем объявлена амнистия. Зачем же скрывать свое имя?

– Кто может знать, что ожидает нас в будущем, – пожал плечами Ивон, – осторожность еще никому не повредила. Ты

сам говорил, что мир этот недолговечен. А к тому же еще этот трактирщик, который с перепугу может стать доносчиком...

– Кажется, я что-то придумал, – перебил его Пьер.

В коридоре раздался вопль Жавалья.

– Да здравствует Республика! – орал он.

Трусишка дрожал как осиновый лист.

– Гражданин Страус, что это за рев у вас в коридоре? – спросил Пьер, шагнув из номера.

– Извините, гражданин, но меня зовут Жаваль. «Страус» – название моей гостиницы. А что касается криков, то я не могу сдерживать своих чувств по отношению к Республике.

– Ну что ж, учтите, что плохим патриотам со мной приходится туго, клянусь вам честью господина Бералека.

«Значит, его зовут Бералек!» – подумал Жаваль.

– Приготовьте мне номер, я хочу здесь поселиться.

Жаваль хотел было идти, но Пьер остановил его:

– Я забыл назваться...

– Ну что вы, господин Бералек, вы же назвались...

– Прощайте и помните, что вам выгодно быть со мной по-любезнее!

– Буду рад служить, господин кавалер, – бормотал Жаваль, пятясь к двери.

Выйдя в коридор, он вытер пот со лба.

– Надо постараться приручить этого тигра. Работен, кажется, намного спокойнее.

Спускаясь по лестнице, он заорал во все горло:

– Да здравствует свобода, Директория и Республика!

Молодые люди расхохотались.

– По-моему, он разгонит своими воплями всех остальных постояльцев, – заметил Пьер.

Ивон нахмурился:

– По-моему, что по временам ты сам не вполне нормален. Зачем ты навлекаешь на себя дополнительную опасность, приняв мое имя?

– Это маленькое развлечение для меня, а то здесь слишком скучно!

В дверь постучали, и на пороге возник Жаваль.

– Это я, господин кавалер, ваш Страус. Велено передать вам этот пакет. Я готов вам служить за четверых!

– Всего-то! – нахмурился Пьер.

– За восьмерых, – поспешно добавил трактирщик.

Как и предполагал Ивон, в пакете, кроме двухсот луидоров, было еще и приглашение на бал.

– Теперь надо принять вид щеголя, так как мне предстоит предстать перед Баррасом, – проговорил задумчиво Ивон.

Пока он одевается, а Пьер ему помогает, расскажем немного о молодом друге Ивона.

Граф Кожоль был молочным братом Ивона. Его однолеток, не столь сильный и красивый, он, однако, был отчаянно храбр и искал опасностей, где только мог.

В отличие от своего друга, который частенько грустил, он

был неизменно весел даже в минуты самой серьезной опасности.

В то время когда он был шуаном и командовал своими собственными крестьянами, Кожоль сумел удержать их от жестокости, которая и у синих, и у белых называлась возмездием и навсегда запятнала эту ужасную войну.

В бою Пьер убивал, но как только бой утихал, он развлекался тем, что вместо того, чтобы добивать пленных, как это делали другие, отрезал им длинные волосы, которыми так гордились республиканцы, или велел им из одежды оставлять лишь носовой платок.

«Чтобы было чем закрыть лицо при встрече с дамами», – говорил он.

Враги прозвали его Капитан-портной.

Шуаны прозвали его Собачий Нос – за редкостное умение выслеживать и друзей, и врагов.

И хотя Кожоль не обладал красотой Ивона, он был приятным, хорошо сложенным, веселым молодым человеком.

Пьер настолько был привязан к Бералеку, что, когда тому напророчили гильотину, он тут же вскричал:

– Поделим на двоих!

Тем временем Ивон был готов к балу.

Сапоги, длиннополый сюртук, широкий жилет, волосы, висевшие наподобие собачьих ушей, и белый кисейный галстук, торчавший в виде воронки, из которого едва выглядывала голова.

– Я предсказываю тебе успех, – хохотал Кожоль, – ну и мода, какой ты смешной!

Шевалье наполнил карманы золотом, сунул в карман пистолет, натянул на голову треуголку...

– Ну, брат, мне надо идти. Эта женщина окружена опасностью. Там погибло уже трое наших. И никто не знает, где они. Возможно, что мне тоже не суждено вернуться. В этом случае ты разыщешь мой след и освободишь меня либо отмстишь за мою смерть.

– Решено, – серьезно сказал Пьер.

– Если я не появлюсь до завтрашнего утра, ты начнешь свои поиски.

Друзья обнялись, и Ивон Бералек ушел.

Утомленный дорогой, Пьер Кожоль добрался до соседней комнаты с единственной мыслью – упасть в постель. Но... возле самой двери раздался крик: «Да здравствует Республика!» и содержатель гостиницы вломился в дверь с подносом, на котором были холодный цыпленок, пирожки и бутылка бордо.

– Я подумал, что после ухода господина Работена вы, возможно, захотите перехватить перед сном, и принес эту скромную закуску...

– Но, милый Страус, этот ужин влетит мне в копеечку!

– Но ужин включен в плату за комнату!

– А во что мне обойдется комната?

– Назначьте цену сами, господин, – ответил Жаваль, ду-

мая о том, что неплохо бы приручить этого тигра для того, чтобы остаться в живых.

– Хорошо, – согласился Пьер. – А теперь я устал и хочу спать, но я хочу быть уверен, что здесь спокойно.

Жаваль дернул головой.

– Что? Ты смеешь возражать?!

Трактирщик поспешно извинился:

– У меня нарушен шейный нерв, поэтому часто кажется, что я противоречу, когда на самом деле... ничего подобного... Да-да, здесь совершенно спокойно. Все мои постояльцы выбрались пару часов назад...

– Ба...

– Они объявили, что не хотят жить в доме, где все время раздаются крики «да здравствует!» – вне зависимости от того, что бы это было...

– Надеюсь, вы не жалеете об этих фальшивых патриотах? – строго спросил Кожоль, в душе забавляясь возникшей ситуацией.

– Ну что вы, господин, я счастлив жизнь свою посвятить только вам, – отвечал Жаваль.

После ухода Жавалья Пьер поужинал и лег спать. Засыпая, он прошептал:

– Ивон сейчас танцует с незнакомкой...

На следующий день он проснулся поздно. Первой его мыслью было: «Как там Ивон?»

Комната его друга была пуста, постель нетронута. Пьер

побледнел.

– Кажется, Собачий Нос, – сказал он грустно, – пришла пора действовать.

Глава 4

Было около половины десятого, когда шевалье Ивон Бералек приехал в «Люксембург». В саду сверкала иллюминация, по аллеям прохаживались толпы приглашенных, спасавшихся здесь от дворцовой духоты. В залах оставались только одни любители карт.

Посторонний глаз легко мог различить три основные группы приглашенных: приверженцев Директории, бонапартистов и республиканцев.

Вокруг госпожи Тальен, женщины необыкновенной красоты, собрались дамы Директории, прославившиеся своей красотой или расточительностью: хорошенькая госпожа Пипилет, разведенная супруга бандажного мастера, впоследствии принцесса Сальм, прелестная госпожа Рекамье, грациозная и добродушная брюнетка Гамелин, одна из лучших танцовщиц, госпожа Сталь, остроумная дурнушка с прекрасными руками, несколько простоватая Гингерло, крупная и кроткая госпожа Шато-Рено, веселая госпожа Витт, которую прозвали Дочь народа...

Все это были знаменитые клиентки госпожи Жермон, прославленной портнихи, все искусство которой состояло в том, чтобы как можно больше обнажать этих достойных дам, прозванных в народе «чудихами». Она одевала их в прозрачную кисею, так плотно облегающую, что даже носовой пла-

ток приходилось носить в ридикюле.

Брошенная в тюрьму во время террора, госпожа Тальен, думая о том, что ее ожидает эшафот, обрезала себе волосы. Падение Робеспьера вернуло ей свободу. Теперь она блистала в свете с новой прической из коротких полузавитых локонов. Подражая этой законодательнице мод, «чудихи» поспешили обрезать себе волосы.

Вокруг этих дам было полно знаменитостей. Здесь снова: Дюпати – знаменитый поэт того времени, Лафит – известнейший банкир, Трение, который так серьезно относился к танцам, что в конце концов помешался на них и умер. Но сейчас было время его славы, и он вполне серьезно заявлял:

– Я знаю только трех великих людей: самого себя, короля Пруссии и Вольтера.

В это смутное время спекуляция акциями и многочисленными подрядами достигла своего апогея. И многие из дам, танцевавших здесь, держали в своих ручках ключи от выгоднейших подрядов. Неудивительно, что вокруг них крутились известнейшие банкиры, многие из которых известны до наших пор.

В углу сада сидело семейство того, в честь кого, собственно, и был дан бал. Рядом с Летицией, матерью Бонапарта, стояла его жена. Бедная Жозефина! С завистью и сожалением следила она за толпой «чудих», где еще недавно она была самой главной, а теперь там царила ее прежняя близкая подруга, госпожа Тальен. Генерал приказал ей разорвать с той

отношения. Кроме того, Наполеон отказал ей в этой безумной гонке приобретения роскошных нарядов. И вообще она чувствовала себя неловко в окружении его родственников; косившихся на нее за то, что, по их мнению, она мешала его блестящей карьере.

Грациозная креолка, всегда прекрасно одетая, она казалась младше своих тридцати пяти лет, пока не показывала испорченные зубы.

Вокруг нее собрались: Жозеф Бонапарт со своей женой Клари, Люсьен Бонапарт – высокий, сухощавый, похожий на паука в очках, рядом с ним – его невеста Христина Буайе и Марина Бакчиочи, примчавшаяся в Париж, чтобы помочь брату.

Шумная, веселая, окруженная толпой поклонников, Паулина Леклерк, будущая принцесса Боргезе, поражала своей красотой. В углу болтали трое детей, старшему из которых не было еще шестнадцати. Гортензия Богарне, Каролина Бонапарт, будущая жена Мюрата, и Жером Бонапарт.

Семейству не хватало только Людовика, который последовал за Наполеоном в Египет.

К этой группе присоединились те, кто чувствовал ее растущую мощь, – директор Сиеза, министр Талейран, плут Фуше, будущий начальник полиции, и многие другие.

Группа патриотов была малочисленна, потому что истинные патриоты пренебрегали развлечениями.

«Надо сначала осмотреться», – подумал Ивон Бералек,

вступая в первый зал.

Жара выгнала из залов всех, кроме игроков в карты. Но ни один из них не обратил на Ивона внимания.

Бералек быстро прошел через анфиладу комнат.

Он остановился возле открытой двери маленького будуара.

Мужчина лет тридцати, изящно одетый, с красивым, но помятым лицом, стоял перед часами.

«Кажется, этот человек поможет мне в моих поисках», – подумал Ивон.

Этим человеком оказался Баррас, нетерпеливо ожидавший ту, которая сумела безраздельно овладеть его сердцем. Он стоял спиной к двери.

Ивон, войдя в будуар, прямо с порога заявил:

– О, гражданин директор! Ну и гости у вас! Сплошные голодранцы! Ни одного человека, который мог бы меня избавить от двухсот луидоров, которые прямо-таки жгут мне карман! В любую приличную игру согласен...

Страсть к игре у Барраса была, видимо, в крови. Она даже превосходила его любовь к женщинам. При виде золота, небрежно брошенного Ивоном на игорный стол, он подумал, что за картами время ожидания пройдет скорее, особенно если он выиграет.

Улыбнувшись, он ответил:

– Ну если вы не нашли противника среди моих гостей, придется мне, по долгу хозяина, вас пригласившего, самому

садиться с вами за игру!

– Прекрасно сказано! – вскричал шевалье, усаживаясь за стол.

– Но должен вас предупредить: через двадцать минут я вынужден буду вас покинуть.

– Ну, я думаю, что для двухсот луидоров этого будет достаточно, – засмеялся Бералек.

При этом он подумал: «Если я выиграю, он оставит меня, чтобы отыграться. А если проиграю, то ему тоже будет неловко меня спровадить».

К десяти часам Ивон проиграл сто луидоров.

Вошедший швейцар прошептал что-то на ухо Баррасу.

– Прошу извинить меня, – сказал Баррас, – я должен встретить даму.

– Прошу вас, не стесняйтесь, я терпеливо буду вас ждать.

Баррас поспешно вышел.

«Ты заглотнул приманку, – подумал Ивон, – и обязательно вернешься. Ты попадешь-таки ко мне на удочку!»

Он сидел за столом, не убирая с него золота, и ждал окончания партии.

Осматривая будуар, он сделал вывод, что Баррас соорудил себе неплохое убежище. Скорее всего, он вернется сюда со своей красавицей, когда устанет прогуливаться по залам.

По гулу в соседнем зале он догадался, что директор приближается. И что он не один...

В зеркале он увидел приближающегося Барраса, окружен-

ного «чудихами».

«Кто же из этих милых созданий та, которая мне нужна?» – подумал он.

Толпа прелестниц ворвалась в будуар, не обращая внимания на молодого человека.

– Ну, признайтесь, Баррас, где вы раздобыли такую красавицу? – нетерпеливо спрашивала госпожа Тальен.

– С Олимпа, где вы царствуете, – галантно отвечал Баррас.

– Исповедуйтесь, господин директор, немедленно, пока ваша красавица танцует менуэт с Тренисом!

– Да, да! – закричали женщины. – Исповедуйтесь, и поскорее...

– Э, милые дамы, – со смехом начал Баррас, – она появилась в одно прекрасное утро...

– Это было действительно утро или, быть может, вечер? – лукаво спросила госпожа Шато-Рено.

– Не все ли равно?

– Нет, нет! Определите точнее!

– Точнее, точнее... – смеялись женщины.

– Ну, тогда это был полдень.

– А, значит, вы тогда отдохали, ну хорошо же!

– Но, виконт, вы все же не сознались, откуда у вас эта красавица, – настаивала госпожа Гингерло.

– Оттуда, откуда и вы, с неба, наверное, – засмеялся Баррас.

– Откуда бы она ни была, но красива необычайно, – поды-

тожила госпожа Рекамье.

– У нее великолепные волосы, – заявила Паулина Бонапарт.

– Да, вы правы, – поддержала госпожа Тальен, – у нее действительно прекрасные волосы и она, в отличие от некоторых, не пользуется ими для того, чтобы прикрывать уши.

Удар был меток. Паулина прикрывала свои уши волосами, так как они были достаточно безобразны.

Баррас, увидев, как страсти накаляются, поспешил их отвлечь:

– Милые женщины, вы рискуете пропустить концерт гражданина Гарата. А заодно и Элеву. Директория разрешила въезд этим двум певцам.

Дамы восторженно зааплодировали. Ивон подошел к Баррасу и, раскланиваясь во все стороны, произнес:

– Извините, гражданки, но господин Баррас должен мне партию.

Баррас заговорил о концерте, желая поскорее отделаться от женщин, чтобы как можно быстрее встретиться с любимой. Он подумал, что игра избавит его от присутствия дам, а потом он легко отделается и от кавалера. Поэтому он с охотой подхватил:

– Конечно, сударь, надо же дать вам возможность отыгаться!

Единственное, чего Баррас не учел, – Ивон был необыкновенно красив. Эта красота ошеломила женщин настоль-

ко, что они просто позабыли о концерте и сгрудились вокруг стола.

Не подавая вида, что заметил произведенное впечатление, Ивон сел к столу.

– Пятьдесят луидоров, гражданин.

– Идет, – отвечал Баррас.

Между тем виконт лихорадочно соображал, как избавиться от дам, обступивших их со всех сторон.

– Милые дамы, вы, кажется, совсем позабыли о концерте, – обратился он к присутствующим.

Но они и не думали уходить. Обступив со всех сторон Барраса, они весело кокетничали с ним, время от времени бросая взгляды на Бералека.

Баррас, которого все время отвлекали, делал ошибку за ошибкой, удваивал и утраивал ставки и в результате проигрывал уже восемьсот луидоров.

– Ставлю вдвое, – заявил он.

Партия продолжалась, но вдруг слышались легкие шаги, и женская болтовня стихла.

«Кто-то вошел, – подумал Ивон, – судя по тому, что эти трещотки утихли, должно быть, женщина».

Он поднял голову, вошедшая стояла за его стулом. Сделав вид, что ничего не заметил, Бералека продолжал игру.

Баррас был готов закончить игру, лишь бы выйти из-за стола. Но женский взгляд, видимо, приказывал ему окончить партию. Он сдал ее без борьбы.

– Не хотите ли отыграться? – предложил Ивон.

– Вы позволите мне отказаться?

Проигрыш Барраса составлял целое состояние, на то время тысяча шестьсот луидоров были огромными деньгами. Баррас отстегнул от цепочки на часах одну из печатей и, подавая ее Ивону, сказал:

– Я надеюсь, что завтра вы вернете ее мне с вашим лакеем.

Ивон взял печать в руки, повертел ее...

– Гражданин директор, – обратился он к Баррасу, – эта вещь по нынешним временам так дорога, что достойна стать подарком.

Ивон встал, повернулся к женщине, стоявшей за его стулом, и, поклонившись, подал ей печать со словами:

– Мадам, я прошу вас принять этот маленький подарок.

Маленькая ручка протянулась к нему.

Бералек поднял голову. Глаза их встретились, и Ивон побледнел.

Женщина дико вскрикнула и, пошатнувшись, рухнула без сознания.

Ивон бросился к двери.

В дверях стояли люди. Среди них был и Фуше. Шевалье оттолкнул его и исчез прежде, чем его успели остановить.

Женщины столпились возле избранницы Барраса. Тот обратился к Фуше:

– Помогите мне перенести ее.

Вдвоем они ее подняли и положили на диван. Губы моло-

дой женщины шевелились, но Баррас ничего не расслышал.

– Что она сказала?

– Я ничего не понял, – отвечал Фуше.

Она произнесла несколько слов, и Фуше прекрасно разобрал их.

Ивон бежал куда глаза глядят. Наконец он остановился и осмотрелся вокруг.

– Где это я? – удивленно спросил он себя.

Он находился в нижней части улицы Сены, месте мрачном, узком и далеко не безопасном.

Он остановился перевести дух, но вдруг расслышал шум шагов в ночной тишине.

«Чего доброго, тут вполне могут напасть», – подумал Ивон.

В эту минуту к нему приблизилась дюжина людей с явным намерением окружить его.

Он выхватил пистолет и прижался спиной к ставням какой-то лавчонки.

– Смотрите, подонки, – закричал он, – вы имеете дело с человеком, который может за себя постоять!

В полном молчании они окружили шевалье, кто-то шепотом произнес:

– Кыш, кыш, к Точильщику!

По этому сигналу они бросились на него.

Глава 5

Увидев комнату друга пустой, Пьер вспомнил о том, что ему говорил Ивон накануне.

Граф Кожоль вернулся в свою комнату и в несколько минут преобразился в работника. Он спрятал под куртку пистолет и запасся крепкой дубинкой, которой, как настоящий бретонец, неплохо владел.

– Итак, в поход, Собачий Нос, – сказал он себе.

Страх не давал Жавалию сомкнуть глаз всю ночь. Уже с четырех часов утра он стал ждать звонка из номера. Он сидел подавленный, грустный и размышлял: «Я бы охотно прокричал „да здравствует Республика!“, но если этот тигр спит, то он может рассвирепеть при неожиданном пробуждении. Ах, вот уже восемь часов... Долго же спят эти господа из полиции... Интересно, остался ли доволен этот палач моим бордо? Я помню, что несколько бутылок для путешественников я разбавил водой, не дай бог одна из них попалась ему! И надо же, все постояльцы разбежались от моих криков. Так что у меня теперь единственный жилец, эта полицейская собака. Если это продлится долго, то я разорюсь. А с другой стороны, что лучше: разориться или быть расстрелянным?»

– Страус, я, вероятно, не вернусь до вечера, – услышал он голос спускающегося по лестнице Пьера и выскочил в коридор.

– Вы хотите уйти без завтрака? Но его стоимость внесена в плату за комнату, – затараторил Жаваль.

– Вечером, – бросил Кожоль.

– В таком случае гражданин, возвратившись, найдет в своей комнате ужин и одну... нет, разумеется, две бутылки того бордо... которым, я надеюсь, вы остались довольны, – закончил хозяин со смутным страхом разоблачения.

Кожоль вышел, нимало не заботясь об успокоении хозяйна. Тот проводил его глазами и забормотал:

– Интересно, куда это он направляется в костюме работника? О, эти полицейские шпионы весьма искусны в своем ремесле...

Кожоль шел быстрым шагом и уже достиг Люксембургского сада. Он сосредоточенно размышлял: «До приезда во дворец никакая опасность Ивону угрожать не могла хотя бы потому, что его никто здесь не знает. Следовательно, это могло произойти либо на балу, либо по окончании его. А если это так, то, безусловно, слуги должны что-то знать...»

На пороге дворца, гордо вытянувшись, стоял швейцар, одетый в блестящий мундир, шитый золотыми галунами.

«По всей вероятности, он может быть мне полезен», – подумал Пьер.

– Ах, генерал, скажите...

Польщенный званием генерала, швейцар любезно ответил:

– Что ты хотел?

Кожоль принял таинственный вид и прошептал ему на ухо:

– Генерал, что вы скажете о вчерашней истории?

– Как, ты уже знаешь об этом? – удивился швейцар.

Сердце графа забилося сильнее. След был взят.

Он покачал головой и наивно произнес:

– О, я ровным счетом ничего не знаю, но послушаешь того-другого – прямо голова идет кругом, генерал, не знаешь кому верить! Вот разве обратишься к таким людям, как вы...

– Ну так можешь мне поверить, что всю правду здесь могу знать только я!

– Я внимательно слушаю вас, сударь!

– В то время как директор Баррас обнимал одну даму, к нему подкрался вор и собирался стащить у него часы, но успел сорвать только один из брелоков. Дама хотела ему помешать. Тогда он свалил ее ударом кулака. Жаль, что меня не оказалось в тот момент рядом! Он выскочил и помчался по улице Турнон...

– Так вот какая история...

– Мой друг Баррас сам рассказал мне об этом, – заявил совсем уже завравшийся швейцар.

– Благодарю вас!

Пьер прекрасно понимал, что в этой глупой болтовне не было и грамма правды, но он указал ему направление. Не торопясь, он спустился к улице Турнон.

«Безусловно, что в начале своего бегства он не мог оста-

вить мне никакого знака», – продолжал размышлять Кожоль.

Он добрался до перекрестка Бюси и остановился в нерешительности. Он не знал, куда идти дальше. В это время его внимание привлекла группа людей на улице Сены в тридцати шагах от него.

Это были любопытные, рассматривавшие лужу крови возле фруктовой лавчонки...

На пороге ее стоял хозяин и рассказывал:

– Я не слышал начала ссоры, меня разбудил выстрел. Потом тут дрались. Потом раздался крик, и я различил шепот: «Он умер, совершите над ним обряд одевания». Представляете, каково мне было?! Я осторожно приоткрыл дверь и увидел два тела. Два... это верно. Но тут я услышал шаги и, захлопнув дверь, спрятался за ней. Подошел человек, произнес «уф» и ушел, но шаги были более тяжелыми, чем перед этим.

– И вы выглянули еще раз? – перебил его Кожоль.

– Нет, я побоялся. Я дождался рассвета и только тогда открыл дверь. Но теперь там был только один труп. Он был раздет, лицо обезображено ударами кинжала и нос был отрезан.

– Так куда же делось тело? – в нетерпении воскликнул Пьер.

– Труп, в ожидании полиции, отнесли в одну из нижних комнат «Ниверне».

Кожоль кинулся в отель «Ниверне».

– Мой дорогой друг, – бормотал он, – они убили его и обезобразили труп, чтобы его никто не смог узнать!

Дойдя до отеля, он вошел в комнату, которую ему указали любопытные, вышедшие оттуда.

Труп лежал на столе.

Как ни ужасен был вид этого зрелища, Кожоль почувствовал радость. Это был явно не его друг.

Не теряя времени, Пьер вышел на улицу.

«Но торговец сказал, что видел два тела, не было ли второе Ивоном Бералеком? – размышлял он. – Кажется, я рано обрадовался. Но кто же в таком случае унес его?»

Дойдя до фруктовой лавчонки, где хозяин уже в который раз повторял свой рассказ, Кожоль задал ему вопрос:

– А в какую сторону направился человек, вернувшийся за телом?

– Уверен, что направо.

Не задавая больше вопросов, Пьер пошел в указанном направлении.

«Если этот малый вернулся и унес Ивона, то, без сомнения, он еще дышал, – думал Кожоль, – возможно, что он и неплохой малый, этот человек. Но, может быть, он просто стащил труп в воду...»

Река была рядом, и он спустился к воде.

На берегу сидел один из тех безумцев, которые готовы все свое время провести с удочкой, пока их не прихлопнет ревматизм. Рядом с ним на холсте лежал улов.

Вид у незнакомца был добродушный.

– Черт побери! – вскричал Кожоль. – Ну и улов у вас!

Добряк лукаво усмехнулся:

– Тут добрых шесть часов терпения!

– Неужели?

– Я пришел сюда еще до зари. А первую удочку я забросил в половине четвертого!

– Но вас могли побеспокоить разбойники, которые, как я где-то слышал, часто в это время сбрасывают в воду мертвецов.

– Да, в прошлом месяце я слышал, как в воду сбросили какое-то тело. До сих пор мороз по коже дерет, как только вспомню...

– А сегодня, надеюсь, ничего подобного не произошло?

– Слава богу, нет! А между тем я уже было подумал, что все повторится опять.

– Да как же это?!

– Только я спустился на берег, как вдруг я увидел на набережной человека, который тащил на плечах какое-то тело и направлялся к Новому мосту...

Пьер поднялся на набережную. И пошел к Новому мосту. Мост охранял драгун. Проходя мимо него, Пьер обратил внимание на большое кровавое пятно на каменных плитах.

– Надо полагать, что ночью здесь убили сторожа, – обратился граф к драгуну.

– О нет! Караульщик рассказывал, что один из щеголей

нализался в дым на балу в «Люксембурге». Возвращаясь домой, наскочил на острые концы ограды, разбил себе голову. Его товарищ решил дотащить его домой. Здесь он остановился передохнуть и перевязать тому голову платком. Вот и натекла лужа.

– Он не отводил его в будку?

– Да нет. В это время проезжал фермер и предложил взять их обоих на свою телегу. Ну тот и согласился...

– Вы знаете этого человека?

– Нет. Но вон там, на углу, стоит молочница, она, вероятно, знает, ведь она берет у него молоко.

Граф подошел к женщине.

– Скажите, – начал он, – я ищу брата, который, говорят, опасно поранил себя сегодня ночью...

Молочница не дала ему окончить.

– Этот красавец ваш брат? Папаша Этьен взял его вместе с товарищем в свою телегу. Ах, он был такой бледный!

– Кто это папаша Этьен?

– Фермер из Бург-ла-Рен, каждое утро он привозит мне молоко.

– А где его можно найти?

– Если он развез молоко, так должен быть на улице дю Фур, в трактире «Баранья нога», он там обычно завтракает, а его лошадь отдыхает и кормится...

Через несколько минут Кожоль входил в указанный трактир и спрашивал папашу Этьена.

Ему указали на краснолицего, бодрого старика, который как раз собирался есть суп.

При первых же словах графа старик произнес:

– Я довез вашего брата и его друга до улицы Монблан. У дома под номером двадцать мы остановились, и его друг взял его на руки.

– Он вошел в дом под номером двадцать?

– Вот уж чего не могу вам сказать точно. Для того чтобы их довезти, я дал порядочный крюк, поэтому торопился. Я стегнул Улисса и уехал...

От награды старик отказался, и Кожоль отправился дальше.

Добравшись до улицы Монблан, он отыскал дом номер двадцать и осмотрел его.

Глава 6

Ивон не умер. В отчаянной неравной борьбе он получил удар в голову и упал на мостовую. Он был без сознания, когда незнакомец поднял его.

Понемногу он приходил в себя.

Вспомнил задание, данное ему аббатом Монтеские, бал в «Люксембурге», партию с Баррасом и, наконец, женщину... Эта женщина... Один вид ее обратил его в бегство. Эта женщина, которая выставляла напоказ свое бесчестье... она, которую он знал такой скромной и целомудренной!

Да! Он был в этом уверен, эта женщина – Елена. Его юношеская мечта! Та самая Елена, на которую он молился, как на святую. Теперь... Каждый мог указать на нее пальцем: вон идет любовница Барраса! Того самого Барраса, который даже по тем весьма легкомысленным временам считался образцом испорченности. И если она сумела его обуздать, то кем же была она?!

Крупные слезы катились по его щекам. Мы нелегко расстаемся с юношескими идеалами.

Он еще помнил, как бросились на него, как он убил одного и смертельно ранил другого, пока сильный удар дубинкой по голове не оглушил его.

«Где я?» – думал он, лежа на мягкой постели с перебинтованной головой.

Истощенный потерей крови и горем, бедный шевалье не мог даже пошевелиться.

Комната, где он лежал, была большой, мрачной, с высоким потолком. В ней стоял запах, который свойственен помещениям, в которых не живут подолгу. Прямо перед ним были два больших окна, сквозь которые он увидел темное небо и звезды.

«Сейчас ночь, – думал Ивон. – Напали на меня на расвете. Следовательно, я пролежал здесь не меньше суток. По всей вероятности, это дом на берегу Сены, вдоль той же улицы, где меня, видимо, подобрали».

Кровать занимала середину комнаты, которую она таким образом делила на две половины.

Бералек хотел поднять голову, чтобы осмотреть комнату, но сил не хватило, и он снова откинулся на подушки.

– О, – прошептал он, – кажется, у меня сейчас сил меньше, чем в детстве, когда я катал в тележке Кожоля. Что-то он сейчас делает, мой дорогой Собачий Нос?

Ивон прислушался. До него явно долетел звук тихого мерного дыхания.

«Кто-то ухаживает за мной ночью», – подумал он.

Он застонал, пытаясь привлечь к себе внимание. Никто не пошевелился, и дыхание не прерывалось. Наконец Ивону удалось повернуться, и... он едва сдержал крик изумления. При слабом свете ночника он разглядел красивую молодую женщину, спящую в низком кресле у его изголовья.

Это была прелестная женщина. Белокурые волосы, рассыпавшиеся во время сна по плечам, подчеркивали белизну шеи. Длинные шелковистые ресницы бросали легкую тень на щеки, маленький полуоткрытый рот с двумя рядами ослепительно-белых зубов...

«Как она хороша», – подумал шевалье. – «Но неужели я здесь пробыл так долго, что эта красавица успела так устать, что уснула прямо в кресле?»»

Ивон обвел глазами комнату. Он увидел тяжелую дубовую мебель. И нигде ни одной безделушки из числа тех, которые так любят женщины.

«Нет, – сказал он себе, – это явно не ее комната. Меня поместили в комнате, которая, кажется, довольно долго была необитаемой».

Из чувства благодарности, а может, частично из чувства озорства Ивон потянулся губами к хорошенькой ручке, лежавшей прямо возле его изголовья. Но поцелуй не разбудил хорошенькую соню.

«Здорово же она устала», – подумал Ивон.

Ивон расхрабрился и поцеловал ее в лоб. Спящая не сделала ни малейшего движения и дышала все так же тихо и ровно.

Ивон вошел во вкус и только собирался начать все сначала, как его внимание привлек какой-то странный звук.

Было такое впечатление, что дом полон тихих шагов, какой-то скрытой деятельности.

«Странно, – подумал Бералек, – дом как будто полон людьми, что они могут тут делать ночью?»

Почему-то Ивон решил, что весь этот шум для того, чтобы принести вред прекрасной незнакомке.

Он поднял голову прекрасной сиделки, но она тихо застонала, как ребенок во сне, когда его пытаются разбудить, и продолжала спать. Может быть, Ивону и удалось бы ее разбудить, но он явно не рассчитал своих сил. Все поплыло перед глазами, и он снова потерял сознание.

Когда Бералек пришел в себя, был уже день. Первая его мысль была о прекрасной незнакомке. Но когда он поднял голову, то увидел на ее месте здоровенного парня.

– Где я?

– У моей госпожи. Парфюмерная торговля.

– Меня нашли возле ее лавочки? Мы, наверное, разбудили всех жителей квартала Сены?

Верзила вытаращил глаза и разразился хохотом.

– Да при чем здесь квартал Сены?! Ты находишься на улице Монблан!

– А... – пробормотал Ивон, сочтя за лучшее промолчать.

– Пять дней назад, открывая лавочку, я нашел тебя перед дверью.

– Благодарю, друг.

– Ну, положим, что касается меня, то я тут ни при чем. Это госпожа приказала перенести тебя сюда, где она сама и ухаживала за тобой!

– А как зовут твою госпожу?

– Гражданка Сюрко.

– Без сомнения, это какая-нибудь пожилая дама?

– Она – пожилая? – захохотал великан. – Ей всего двадцать лет, и она первая красавица в квартале!

– Это она велела перенести меня в эту комнату?

– Да. Это комната гражданина Сюрко.

– А-а, так это ее муж уступил мне свою постель?

– О, для него это было совсем несложно!

– Отчего же?

– Ну, дело в том, что госпожа Сюрко уже три года вдова.

– Бедняга Сюрко, – вздохнул Ивон, не испытывая при этом ни малейшего огорчения.

– Да-да, я сам хоронил его, – подтвердил верзила и залился идиотским смехом.

«Экая скотина», – подумал Бералек.

– Три года прошло, как овдовела госпожа Сюрко, и с тех пор комната так и стоит пустая, – прибавил слуга.

– Так мое присутствие не в тягость твоей госпоже?

– О, в этом доме хватает комнат! Ну посудите сами: три этажа, и даже кухарка не ночует здесь. Во всем доме только нас двое. Госпожа и я.

– Да? – удивился Ивон.

Он вспомнил шум, услышанный им ночью.

Слуга не соврал. Хорошенькое создание, сторожившее сон шевадье, была госпожа Сюрко, хозяйка косметического

магазина на улице Монблан.

Госпожа Сюрко – одно из главных действующих лиц нашего романа, поэтому мы должны хорошо узнать ее. Для этого потребуются объяснить, почему хорошенькая хозяйка жила в доме одна, не считая слуги, в том самом доме, где Ивон ночью слышал странные звуки.

Для того чтобы объяснить все это, надо вернуться на три года назад, когда хозяин магазина однажды вечером умер прямо за стаканом вина.

Уважаемый хозяин магазина Муциус Сюрко отошел в лучший мир, оставив после себя прелестную вдову семнадцати лет, продолжившую его торговлю.

Долго ли горевала юная вдова и сколь сильным было ее чувство утраты, мы не знаем. А посему и утверждать ничего не можем.

Вернее всего надо сказать, что она была удивлена смертью человека, который даже не успел сказать «прощай», так как господин Сюрко умер от апоплексического удара.

Лоретта Сюрко вовсе не была бесчувственной. Но разница в их возрасте объясняет ту покорность, с которой она приняла свое вдовство. Хозяину магазина в день смерти было пятьдесят два года.

Посудите сами, могла ли хорошенькая вдова сожалеть о покойном, даже если не брать во внимание разницу в возрасте?

Покойник был скуп, жесток, неряшлив. К тому же он

был таким занудой, что никто не мог вспомнить, чтобы он когда-нибудь смеялся, кроме одного-единственного раза, именно в день смерти.

– Он был всегда так мрачен, что первая улыбка стоила ему жизни, – говорил галунщик Брикет, сосед, присутствовавший при последних минутах жизни Сюрко.

Лоретта была не просто красива, она была прекрасна!

Даже самый равнодушный человек при виде этих огромных черных глаз не мог оставаться равнодушным, когда они смеялись, а прелестный рот, открываясь, показывал двойной ряд жемчугов. Небольшого роста, очень грациозная, с маленькими руками и ногами прекрасной формы... Свои роскошные волосы она прятала под чепцом с трехцветными лентами, бывшими тогда в моде.

Каким образом такой цветок стал добычей нелюдима Сюрко? Этого никто не мог знать.

За десять месяцев до смерти хозяин магазина вышел из дому и через два часа вернулся домой с девушкой, которую отрекомендовал соседям как мадам Сюрко. Во время революции можно было жениться, развестись и снова жениться в один день. Поэтому соседей это нисколько не удивило. А молодая жена в тот же день заняла место за прилавком, куда ее появление привлекло массу покупателей-франтов, к удовольствию ее мужа.

Медовый месяц был недолгим.

На третий день муж перебрался на второй этаж, где он жил и до женитьбы, к своим книгам, бумагам и счетам. Больше его нога ни разу не переступила порога комнаты Лореты, которая с радостью восприняла свое одиночество.

Дом, принадлежавший Сюрко, был трехэтажным, с подвалами и мансардами.

Покойник, боявшийся ответственности перед властями за укрывательство нежелательных лиц, решил вообще не пускать жильцов.

В общем, супругов ожидала довольно мрачная перспектива – жить в этом огромном доме вдвоем, не считая приходящих служанки и кухарки.

Сюрко долго обходился без приказчика, но за месяц до своей смерти он взял в магазин одного человека.

Нового приказчика звали Лебик. Он был огромного роста. В тот день, когда он явился в магазин договариваться о жалованье, зашли трое пьяных санкюлотов. Они требовали вина. Не говоря ни слова, Лебик схватил за шиворот того, кто стоял поближе, и, действуя им, как дубиной, разогнал остальных, вышвырнув напоследок за дверь их товарища.

Сюрко пришел в восторг от своего защитника и тут же предложил ему сверхвыгодные условия службы.

Однако вряд ли нашелся бы во всей Франции приказчик, который меньше походил бы для этой роли. К сожалению, глупость Лебика была намного значительнее его силы.

Он выслушивал приказания с открытым ртом и блуждаю-

щими глазами. Если он говорил, то только какую-нибудь ди-кую околесицу. В его смехе не было ничего осмысленного. Это был хохот идиота, от которого дрожали стекла.

В его громадных пальцах флаконы с духами превращались в осколки, тюбики с помадой и мыло сплющивались в лепешку. В огромном теле Геркулеса был разум малого ребенка. Никто не знал его прошлого, его семьи... На вид ему было около тридцати лет.

Видя его полную непригодность для торговли, Сюрко оставил его при магазине в роли слуги и помощника. На свете были только две вещи, интересовавшие Лебика, – сон и еда.

Ночью по всему дому раздавался его храп. А его аппетит приводил в ужас кухарку.

Теперь несколько слов о покойном. С самого детства Сюрко был лакеем. Переходя от одного хозяина к другому, перед революцией он служил в почтенном провинциальном семействе, которое состояло из отца, матери, сына двадцати двух лет и дочери тринадцати лет. Эта семья исчезла в вихре революции, потеряв своего единственного кормильца.

Оставшись без места, Сюрко стал отчаянным санкюлотом. Но в 1793 году, раздобыв где-то денег, он отбросил ухватки ярого якобинца и превратился в мирного хозяина парфюмерного магазина. Поговаривали, что он снабжает своим товаром тех, что вершат судьбы революции.

Видимо, в этом была доля истины, так как Сюрко, спокой-

ный во времена террора, вдруг сделался мрачным и боязливым после падения Робеспьера.

Вечно угрюмый и молчаливый, в один из дней он вдруг стал весел и беззаботен. И по странному стечению обстоятельств этот день и был днем его смерти.

Можете себе представить, какой была жизнь Лоретты. С мужем она виделась только за столом. Обед проходил в молчании. Какая тайна могла соединить этих людей, которые, казалось, боялись и ненавидели друг друга?

Когда с ее мужем случился удар, мадам Сюрко делала все, что могла. Она послала за докторами, оказывала необходимую помощь... Но когда стало ясно, что он мертв, она, похоронив его в соответствии с требованиями того времени, не выказывала особой горести. Слишком честная для того, чтобы притворяться, она уже на другой день была в конторе.

Верзила Лебик, узнав о смерти хозяина, рассмеялся своим идиотским смехом, прерываемым выкриками:

– Ух! В большую яму!

Таким образом, жизнь, казалось, улыбнулась Лоретте. Она наконец стала свободной и независимой при достаточной материальной обеспеченности.

Но тут она почувствовала страх. Огромный дом, где, кроме нее и слуги, который жил в мансарде, через два этажа от ее апартаментов, казалось, по ночам был населен невидимыми жильцами. Ей слышались глухие шаги, легкий треск мебели, будто ее передвигали, неясный шум...

Даже у самых трусливых людей бывают приступы храбрости. Однажды Лоретта, которая не могла уснуть от страха, поднялась наверх в спальню мужа, откуда долетал неясный шум.

Входя в комнату, она почувствовала запах только что потушенной свечи.

Комната была пуста.

Можно было подумать, что только что кто-то задул свечу...

Она подошла к камину, на котором стояли подсвечники. Фитили были еще горячими.

Дико крича, она кинулась к мансарде, где спал Лебик.

Глава 7

Услышав крик своей госпожи, Лебик выскочил в коридор. Держа фонарь в одной руке, а другой поддерживая Лоретту, в страхе цепляющуюся за него, гигант обыскал весь дом, но тщетно.

Наконец он отвел госпожу Сюрко в ее спальню.

– Полно, хозяйюшка, привиделось тебе. Успокойся, спи, а чтобы тебе спокойнее было, я лягу в коридоре, возле твоей двери.

Укладываясь в постель, вдова успокоилась.

– Наверное, Лебик прав. Чего не надумаешь с испугу? Ведь эти свечи зажигались так давно...

И она уснула.

После этого события Лоретта не могла обходиться без Лебика. А тот привязался к ней, как огромный пес, который обожает своего хозяина. Оставив свою мансарду, он обосновался под дверью вдовы. Под этой защитой вдова спала совершенно спокойно.

Надо сказать, что с ней вообще творилось что-то странное. Несколько раз в месяц она чувствовала какое-то оцепенение, после которого впадала в тягостный сон.

Размышляя об этих странностях, хорошенькая вдовушка рассуждала:

– Это все от скуки... так я скоро вообще превращусь в

сурка.

Время от времени она заглядывала в комнаты покойника вместе со служанкой, когда надо было прибрать и проветрить помещение. Иногда ей казалось, что вещи стоят несколько не так, как было раньше. Но так как ключи от этих комнат были только у нее, то она приписывала это своей рассеянности.

Действительно ли умер Сюрко?

Да. Тут не было никаких сомнений. Два врача дали заключение. Он был похоронен по христианскому обряду. И тело его было таким же окоченевшим, как у всех покойников...

Видимо, будет нелишним рассказать, как господин Сюрко провел свой последний день.

6 мая 1795, или, говоря языком того времени, семнадцатого флореаля третьего года Республики, хозяин магазина проснулся бледный и встревоженный. Все утро он прослонялся с унылым видом человека, которому некуда девать время.

В девять часов он натянул костюм якобинца, хотя уже не посещал их клуба, и пошел по направлению к Сене.

Дорогой он все время повторял:

– Что, если он признается? Тогда его жизнь спасена!..

Проходя по набережной Межессери до Меняльного моста, с трудом протискиваясь сквозь густую толпу, он наконец добрался до другого конца моста и оглянулся.

Отсюда была видна вся Гревская площадь с гильотиной на ней. При виде грозной машины он прошептал:

– А-а, это для сегодняшнего дня...

Мрачный и бледный, проталкивался он через людское море к Дворцу Правосудия. Наконец он достиг великолепной решетки на улице Барильери и уселся под пей. Отсюда хорошо были видны ворота Консьержери. При виде трех двуклоков, стоявших перед воротами, Сюрко опять прошептал:

– Это для сегодняшнего дня.

Задыхаясь от ужаса, он ждал, вцепившись руками в решетку.

Набережная Пелетье, мосты Нотр-Дам и Меняльный, улица Барильери – все это сплошь было запружено народом вплоть до самого Дворца Правосудия. Во всех окнах и на всех крышах было полно любопытных, горящих желанием увидеть обещанное зрелище.

Время от времени гул толпы смолкал и после короткой паузы тысячи голосов сливались в один вой:

– Смерть Фукье-Тенвилю!

Правосудие вступало в свои права. Те, кто еще вчера требовал крови других, сегодня платил своей.

В начале сентября прошлого года Фукье-Тенвиль, экзекутор прежнего революционного суда, и его сообщники, заключенные в крепость, считали себя уже забытыми. Но спустя шесть месяцев пришел приказ перевести их в Консьержери и начать следствие.

Не станем описывать этого процесса, разоблачившего кровавые беззакония того страшного революционного суди-

лица, которое в несколько месяцев вынесло четыре тысячи смертных приговоров, из них тысячу двести женщинам.

Для того чтобы было ясно, каков был этот суд, можно привести пару примеров.

На очереди было дело графа Гамаша. По какому-то роковому недоразумению на суд привели однофамильца графа, слесаря Гамаша. Секретарь предупредил Фукье об ошибке.

– Ба, – отвечал он, – так не напрасно же мы беспокоили слесаря! Два Гамаша под гильотиной вместо одного, это – прибыль!

То же случилось с торговкой Малльет.

– Ей-богу! – вскричал судья. – Пусть торговка сегодня положит свою голову под гильотину вместо графини, а та завтра оплатит ей за эту любезность!

Не лучше были и члены суда, возглавляемого подобным типом.

Мы не будем поднимать сейчас все дела этих палачей, отправивших на тот свет четыре тысячи человек, осужденных только по доносам. Когда же они пытались сказать что-либо в свою защиту, Фукье резко обрывал их.

Вот каковы были те, которых теперь, несомненно, ожидала смертная казнь. Никто в этом не сомневался, так как на Гревской площади заранее был поставлен эшафот и тележки палача красовались у ворот.

Видимо, среди людей, ожидавших смерти, был и человек,

смерти которого так хотел Сюрко и в то же время очень боялся его показаний.

Наконец весть о приговоре побежала по толпе. Из тридцати четырех осуждены были на смерть шестнадцать.

Услышав об этом, хозяин магазина побледнел еще больше и прошептал:

– А вдруг его нет среди этих шестнадцати?!

Где-то через час по толпе пронесся крик:

– Вот они, вот!..

Осужденные, выходя из ворот Консьержери, один за другим влезали в тележки.

Дрожа от страха и нетерпения, Сюрко считал несчастных.

– Двенадцать. Это еще не он... тринадцать! Еще нет... Четырнадцать! Нет... Осталось только двое...

Лицо его было искажено. Он волновался так, словно это его должны были вести на казнь.

Голова предпоследнего из осужденных показалась над толпой. Хриплый крик радости вырвался из груди Сюрко.

С криком «это он!» парфюмерщик рванулся сквозь толпу к месту казни.

Впереди телеги ехали четыре жандарма. Они с трудом сдерживали толпу. Толпа рвалась к тележкам с криками и руганью, упрекая смертников в гибели своих близких, казненных по приговору революционного суда. Ненависть толпы особенно яростно разразилась против бывшего общественного обвинителя, ехавшего на последней тележке. Здесь сол-

даты конвоя тщетно старались освободить своих лошадей, зажатых толпой, отделившей их от остальной процессии.

Поддерживая своего соседа Виллата, обессилевшего от страха, Фукие-Тенвиль дерзко и насмешливо смотрел на толпу, которая выкрикивала ему в лицо оскорбления.

Наконец он вышел из себя. Выпрямившись во весь свой огромный рост, он плюнул в толпу и закричал, перекрывая ее вой:

– Все равно у вас, канальи, нет хлеба! Я же ухожу с набитым брюхом!

Оскорбление было ужасным.

Эшафоты, тюрьмы, рекрутские наборы опустошили деревни. В стране начался голод. Нужно было простоять всю ночь в очереди в булочную, чтобы получить немного черного клейкого теста, называвшегося хлебом. За фунт чистой муки, продававшейся тайком, платили сорок восемь ливров золотом или две тысячи шестьсот ливров ассигнациями. Всякое приглашение на обед сопровождалось словами: «Хлеб приносите с собой».

Понятно, что после слов Фукие толпа бросилась на оскорбителя. И вряд ли жандармам удалось бы сдержать се натиск, если бы не странная процессия, идущая от улицы Планш-Мибрей к мосту Нотр-Дам. Она разделила народ на две части, и тот, сменив объект внимания, запел Марсельезу.

Это была Процессия Селитры с огромным ящиком и шестью кларнетистами во главе.

Видимо, необходимо дать объяснение, что это такое.

Селитра является необходимой составной частью пороха. Пороха, как известно, не хватало. По предложению химиков Гитона Морво и Фуркруа Коммуна предложила скоблить стены церковных подземелий, погребов частных лиц и склепов на старых кладбищах.

«Комиссары селитры» имели право вербовать для этой работы любого, вплоть до первого встречного. Имели они также право открыть любой погреб. Было очень выгодно заручиться поддержкой такого комиссара, поскольку он сам выбирал погреб для работы. А хозяин такого погреба в этом случае освобождался сразу и от селитры, и от вина, а зачастую еще сам отправлялся на работы куда-нибудь на кладбище.

На эту работу поочередно отправлялись взводы солдат с лопатами за спиной и барабанщиком впереди.

Вся собранная селитра немедленно перерабатывалась. Потом укладывалась на носилки и, сопровождаемая оглушительной музыкой и работниками, оравшими Марсельезу, отправлялась на склад.

Специальным постановлением Коммуны было предписано уступать дорогу этим процессиям, вот почему толпа была оттеснена.

Для Сюрко эта остановка показалась вечностью.

Наконец телеги тронулись, и он облегченно вздохнул.

Неподвижный, бледный, обливающийся потом, следил он

за казнь.

Палачи втащили на эшафот первого осужденного. Это был экс-монах Виллат, почти мертвый от страха.

Когда его голова скатилась, Сюрко разразился хохотом.

Какой-то молодой человек, обернувшийся на этот хохот, спросил:

– Этот человек, видимо, обрек на смерть кого-то из ваших близких?

Сюрко ответил:

– Нет, это был мой лучший друг!

Молодой человек, не проявляя ни малейшего удивления, пристально посмотрел на Сюрко и, воспользовавшись движением толпы, сначала отошел от него шагов на десять, а затем пристроился поодаль, но так, чтобы можно было наблюдать за ним.

Парфюмерщик ничего не заметил.

В эту минуту он увидел своего соседа-лавочника Брикета.

– О, гражданин Сюрко, ты тоже здесь? – воскликнул сосед.

– Да, как видишь...

– Так пойдем домой вместе!

– С удовольствием.

При имени Сюрко молодой человек вздрогнул.

Вынув из кармана кусок мела, он начертил на спине карманьолки парфюмера две буквы «Т. Т.» и скрылся в толпе.

Сюрко ничего не почувствовал.

Он не стал ожидать конца казни. Несмотря на обещание, данное Брикету, он выбрался с Гревской площади и направился домой один.

Время от времени он останавливался, жадно вдыхал воздух и принимался хохотать, весело потирая руки.

Он был так счастлив, что даже не обратил внимания на то, что, заметив на его одежде таинственные буквы, вокруг него возникали какие-то люди. Они сопровождали его незаметно, окружив со всех сторон.

– Эге-ге, – повторял он, – дорогой друг отложил себе денежку на черный день. А тут-то он и подошел! Теперь эта денежка будет моя. Неплохой куш – несколько миллионов!

Странные телохранители, увидев, как он входит в свой магазин, остановились и принялись хохотать.

– Мы гнались за зайцем, который уже подстрелен!

– Еще никто не сказал о нем хорошего слова, – добавил другой.

– Он в хороших руках, нам нечего беспокоиться о нем. Вперед, господа!

И они разбрелись в разные стороны.

Сюрко вошел в дом, напевая песенку. Это неординарное событие вызвало немалое удивление его жены.

– Что у вас на карманьолке? – спросила она, приглядевшись.

– Где?

– На спине.

Сюрко стащил куртку и увидел белые буквы.

– Какой-нибудь шутник позабавился, – сказал он, пытаясь стереть жирный мел. Но он въелся и оттирался очень плохо.

– Нужно тереть посильнее, – посоветовала Лоретта.

– Если сильнее, так надо позвать Лебика!

Дверь отворилась, и вошел Брикет, вернувшийся с Гревской площади.

– Так-то ты ждешь меня!

– Толпа отжала.

– А что это у тебя на одежде?

– Какой-то идиот пошутил.

– Возможно, эти буквы имеют какой-то смысл?

– Честно говоря, не знаю...

Вошел Лебик:

– Вы что-то хотели, хозяин?

– Возьми, почисть куртку.

Лебик не умел читать, но, увидев буквы, он расхохотался идиотским смехом и заявил, что так клеймят свиней.

– Экое животное, – заявил галунщик вслед удалившемуся Лебику.

– Да, но для безопасности он подходит как нельзя лучше.

Дверь отворилась, и в нее просунулась голова точильщика ножей.

– Ножи, ножницы точить!

– Не надо, гражданин, – ответила Лоретта.

Брикет рассмеялся:

– Ай да парень, ну и голосок!

Сюрко задумался.

Крик точильщика повторился, но уже вдали.

– Странно, – сказал парфюмер, – я уже где-то слышал этот голос.

Но он тут же позабыл об этом. Лебик принес отлично вычищенную куртку...

Надевая ее, Сюрко посмотрел на часы, украшавшие лавку. Стрелка показывала пять часов.

– Сосед, – обратился он к Брикету, – в знак того, что ты не в обиде, не отобедаешь ли со мной?

– С удовольствием, тем более что дома у нас едят еще по-старому, и время обеда уже давно прошло.

Тут надо внести разъяснения. Дело в том, что время обеда в том далеком 1795 году еще не установилось.

Когда-то в Париже обедали в два. Зрелища начинали работать в четыре и заканчивались в девять, ко времени ужина. Этот порядок был нарушен общественными потрясениями.

Революция изменила время работы чиновников. Они стали работать с девяти часов утра до четырех часов дня. Соответственно обедать стали в пять и даже в шесть часов.

Актеры тоже вынуждены были перенести свои спектакли на семь, и заканчивались они теперь в одиннадцать.

Итак, в пять часов дня гость и хозяин уселись за стол. Хорошее настроение Сюрко было так очевидно, что не переставало удивлять госпожу Сюрко и соседа.

Чтобы не мешать мужчинам, Лоретта велела подать себе обед в ее комнату.

После обеда, за которым было выпито три бутылки старого вина, по признанию хозяина, из монастырского погреба, соседи решили окончить вечер так же приятно, как начали. Они взялись за карты, решив составить партию в пикет по двенадцати су за ставку.

Сюрко, подогретый старым вином, возбужденный зрелищем на Гревской площади и сознанием своего богатства, хотел и даже стал напевать некогда любимые песенки.

Брикет, явно заинтересованный, попытался выяснить, в чем причина такого возбуждения.

– Может, отменим партию? – предложил Брикет.

– Никогда! – вскричал Сюрко, только что выигравший двенадцать су.

Брикет скорчил жалкую гримасу. Сюрко рассмеялся:

– Не горюй, сейчас я развеселю тебя! У меня в погребе есть прекрасное вино, которое я берегу для хороших друзей!

– Отлично! – повеселел галунщик.

– Лебик! Возьми в погребе кувшин с мальвазией и принеси нам пару стаканов!

– Хорошо! – проревел Лебик.

– Сейчас мы угостимся настоящим нектаром, – обратился хозяин к гостю.

– Тем лучше, – облизнулся Брикет.

Они подождали несколько минут.

– Пока твой Лебик повернется... – рассмеялся галунщик.

– Это животное настолько глупо, что он мог налить стаканы и не догадаться принести их нам.

Брикет остановил его, видя, что тот намеревается опять звать Лебика.

– Оставь его, а то он еще чего-нибудь выкинет. Пожалуй, я сам схожу за стаканами, это будет скорее!

– Коли есть охота...

Оба стакана, как и предсказывал Сюрко, стояли на подоконнике, а Лебик уплетал баранью лопатку.

– Вон мальвазия в стаканах, – промычал он.

– Что ж ты не принес на стол?

– Хозяин этого не приказывал.

Брикет взял поднос и вернулся к столу.

– Ну как, соседка? – спрашивал парфюмер при каждом глотке. – Не правда ли, отличное вино?

– Не мешало бы повторить, чтобы распробовать получше, – схитрил галунщик.

Ответить Сюрко не успел. Глаза его странно замигали, рот открылся, как будто он хотел что-то сказать, и он скатился со стула, ударившись об пол.

– Э, соседка, да ты совсем пьян! – воскликнул Брикет, наклоняясь, чтобы поднять своего собутыльника.

Он попытался повернуть его, но тут же понял, что с ним что-то не так.

«Похоже, что с ним удар», – подумал он.

На его крик вбежала Лоретта. И тут же разослала всех, кто был под рукой, за врачами.

Явились два врача и, расспросив об обстоятельствах, предшествовавших этому случаю, пришли к выводу, что чрезмерное возбуждение и слишком плотный ужин были причиной апоплексического удара. Они же констатировали смерть.

Единственная радостная минута в жизни принесла этому угрюмому человеку смерть.

Лоретта, сомневаясь в приговоре докторов, приказала не хоронить его сразу же. Но по прошествии трех дней сомневаться уже не приходилось.

Когда покойного Сюрко заколотили в гроб, обшитый трехцветной саржей, Лоретте ничего не оставалось, как распорядиться о доставке его прямо на кладбище, так как церковные обряды были запрещены.

Кладбище Кламар было расположено довольно далеко, и, когда носильщики доходили до улицы Лусталот, они изнемогали от усталости и жажды.

Улица Лусталот, проходившая рядом с кладбищем, была занята виноторговцами.

Перед дверьми этих лавок были устроены специальные подмости, куда можно было поставить носилки с гробом. Таким образом часто возле какого-нибудь дома могло собраться восемь-десять гробов, ожидающих своих носильщиков.

И надо сказать, что мертвецы не скоро попадали в свое последнее пристанище. Случалось, носильщики были настолько пьяны, что хватали первые попавшиеся носилки и волокли, не зная точно, тот ли это мертвец, – гробы были все одинаковые. Случалось, что у них не хватало денег расплатиться с хозяином лавки, и тогда покойник оставлялся в залог. Случалось, что пьяницы просто забывали гроб на подмостках и уходили.

Так как у Сюрко, кроме Лоретты, не было родственников, то ей самой пришлось заниматься всеми вопросами похорон.

Она рассчитала, что возьмет Лебика и одного наемного носильщика. Женщинам в то время провожать гроб на кладбище было не положено. Носильщик оказался человеком низкорослым. К тому же Лебик шагал широко, и тот едва поспевал за ним.

Поэтому перед первой же лавкой виноторговца он стал как вкопанный.

– Может, пропустим по чарочке?... – спросил он.

– А ящик куда?

Его спутник растолковал ему назначение подмостков. И великан, обычно довольно туго соображавший, тут довольно быстро сориентировался. Но он еще колебался.

– А вдруг его украдут?...

Его напарник расхохотался.

– Кого?

– Моего хозяина!

– Зачем? Что из него можно сделать?!

Лебик очень хотел выпить, но его мучила совесть.

– А вдруг хозяйка пошла за нами и увидит, что я потягиваю вино вместо того, чтобы делать свое дело?

– А мы пойдем в дальний конец лавки, и нас никто не увидит, – настаивал напарник.

Лебик сдался.

Поставив гроб на подмости, они вошли в лавку.

Основательно нагрузившись, они вышли на улицу, взяли свой груз и двинулись дальше.

Но улица Лусталот была длинной и, чтобы попасть на Клармарское кладбище, нужно было миновать еще не одну такую лавку.

Поэтому Лебик вернулся вечером в магазин совершенно пьяным. Смеясь, он повторял:

– Уф! В большую яму!..

Итак, Сюрко умер и был похоронен.

Месяца через три Лоретту испугал шум в комнате покойного. Но со временем испуг прошел, и она уже смеялась над своими страхами.

Она охотно бы взяла жильцов, но боялась, что попадет впросак. Закон об укрывательстве подозрительных личностей действовал очень строго. Но, во всяком случае, она спокойно спала под охраной Лебика, стелившего свою постель под ее дверь.

Наученная горьким опытом первого брака, она отказыва-

ла своим многочисленным обожателям, толпившимся в магазине. Они оживляли торговлю, но оставляли спокойным ее сердце.

Так прошло три года.

Двадцатилетняя вдова вела размеренный образ жизни, иногда, правда, она размышляла о странном оцепенении, время от времени охватывающем ее и заканчивающемся тяжелым сном. Она втянулась в эту однообразную жизнь, которая оборвалась самым неожиданным образом. Итак, мы увидели ее дремлющей у изголовья больного.

А произошло это так.

Однажды на рассвете Лебик постучал к ней в дверь и поведал о том, что пятнадцать минут назад он был разбужен громким стуком в дверь. Но когда он ее открыл, то увидел на пороге раненого молодого человека, лежащего без чувств.

– И что ты с ним сделал? – спросила Лоретта.

– Оставил его на месте.

Госпожа Сюрко тотчас же велела перенести его в дом, в комнату Сюрко, и послала за доктором.

На протяжении пяти последующих дней Ивон Бералек, а это был именно он, имел самых заботливых сиделок в лице Лоретты и Лебика, которые дежурили по очереди возле его постели.

Великан Лебик часто говорил своей хозяйке:

– Ты посмотри, какой красавец этот бедняк!

Наконец на шестые сутки, утром, Лебик вбежал к ней в

комнату и весело рявкнул:

– Наконец-то наш молодчик очнулся!

– Он знает, где он находится? – дрогнувшим голосом спросила Лоретта.

– Я сказал ему.

– А он догадывается, что я ухаживала за ним?

– Во всяком случае, мне он ничего не сказал об этом. Но он сказал, что хочет видеть вас для того, чтобы поблагодарить.

Лоретта смутилась и направилась в комнату, где лежал больной.

Глава 8

Итак, прелестная молодая женщина, три года назад похоронившая мужа, входит в комнату Бералека, наконец-то очнувшегося после пятидневного беспамятства...

Но где же Пьер Кожоль? Неужели он так и не смог найти своего друга? Он, знаменитый Собачий Нос?

Для того чтобы объяснить это, нам придется вернуться к графу, которого мы оставили рассматривающим дом под номером двадцать на улице Монблан, указанный ему фермером.

– Кажется, это здесь, – размышлял он.

Взгляд Пьера остановился на фундаменте.

– Эге, – произнес он, – вот то, что мне надо!

На пороге, выложенном каменными плитами, ясно виднелись следы крови.

– Да, это здесь, – решил Кожоль. – Ивон должен был пройти через эту дверь.

Не колеблясь больше, граф вошел в помещение лавки, где в это время был один Лебик.

«Ей-богу, – подумал Пьер, – этот парень мог бы дотащить двух Бералеков!»

Великан оглядел его и спросил:

– Гражданин хочет купить духи?

– Нет, я хотел бы поговорить с врачом, живущим в этом

доме.

– Но здесь нет ни врачей, ни жильцов, – рассмеялся Лебик своим дурацким смехом.

– А-а, – произнес Кожоль, – я думал, что больного перенесли сюда.

Как ни глуп был Лебик, он знал, что грозит за нарушение закона, и ни в коем случае не хотел подводить свою госпожу. Поэтому он сделал удивленное лицо и произнес:

– Какой больной?

– Да тот, которого принесли... Или, может, ты сам принес его утром?

– А, вы, вероятно, говорите о молодом человеке, которого ночью подкинули к нашим дверям?

– Да. Так что с ним стряслось?

– Я оставил его там, где нашел.

– Но это бесчеловечно!

– Но мы не хотим ссориться с полицией из-за укрывательства подозрительных лиц.

– В таком случае кто же его поднял?

– Может быть, огородники, возвращающиеся с рынка...

– Итак, ты не вносил в дом молодого человека, чтобы оказать ему помощь?

– И не подумал...

В то время как Лебик отвечал таким образом, взгляд Пьера отыскивал на полу целый ряд мелких красных пятнышек. Но, вместо того чтобы сообщить приказчику о своем откры-

тии, граф поклонился и сказал:

– Я, видимо, ошибся. Благодарю вас за сведения.

И Кожоль вышел спокойным шагом.

Лебик, не желая волновать Лоретту, промолчал об этом посещении.

А Пьер, шагая по улице, думал: «Несомненно Ивон там! Но они боятся навлечь на себя подозрения. Поэтому, что бы я ни сказал, мне не поверят. Надо придумать иной способ пробраться в дом... Так... Кто мог знать о происшествии? Разумеется, врач! Эти люди должны были послать за врачами, живущими по соседству. Поскольку, если хотят, чтобы пришел хоть один, надо послать к нескольким. Так что мешает мне представиться врачом?! Ха, вон идет старичок, сразу видно, что это настоящий врач!»

Пьер остановился, чтобы лучше рассмотреть маленького старика с белыми волосами, в золотых очках и в плаще каштанового цвета, накинутом поверх черного костюма. Он шел по улице, мелко семеня и опираясь на высокую трость, постукивая ею по мостовой.

«За милую можно разглядеть истинного врача», – подумал Кожоль.

Наконец доктор поравнялся с Пьером, который собирался посторониться, чтобы дать ему дорогу. Но прохожий положил свою сухую руку на плечо молодого человека и вполголоса спросил его:

– Что тут делает граф Кожоль?

Пьер удивленно воззрился на него.

– Да, – повторил старик, – что тут делает шуан Собачий Нос?

При втором вопросе Кожоль побледнел. Но, прежде чем он успел что-либо выговорить, незнакомец сделал рукой мasonicкий знак. Граф расхохотался, с восторгом глядя на старика.

– Честное слово, вы единственный, кто может преобразиться подобным образом! Клянусь, аббат, я никогда бы не узнал вас!

– Тсс! – предостерег Монтестье.

Этот дряхлый старик на самом деле был аббатом Монтестье, человеком сорока лет, поставившим в тупик всю полицию Директории, ожесточенно преследовавшую его.

Надо заметить, что аббат тоже не бездействовал. Он организовал свою контрполицию, которая действовала в интересах роялистской партии и предупреждала его о всех ловушках и различных маневрах других партий, добивавшихся власти.

Аббат, не довольствуясь донесениями своих агентов, лично проверял их. В этот ранний час он бродил вокруг дома Жозефа Бонапарта, узнав, что он устраивает ночные сборища, участники которых расходились на рассвете.

Это жильё как бы специально было предназначено для тайных сборищ. Оно было расположено в квартале, где было всего несколько домов, и со всех сторон окружено садами и

огородами.

Аббата эти ночные сборища не пугали.

– Бонапарты думают о лакомом кусочке для своего брата, – пробурчал он себе. – К счастью, их герой сейчас в Египте и возвратиться не сможет, разве что дезертирует из армии, которую сам же увлек в эту авантюру. Раньше чем он задумает вернуться, я куплю Барраса вместе со всеми сообщниками, и шутка будет сыграна!

Возвращаясь из своего обхода, он и заметил Кожоля, которого хорошо знал, так же как и других командиров шуанов.

Аббат повернулся к стене, ограждавшей в этом месте улицу, и сделал вид, что читает объявления. Кожоль также уставился в какую-то афишу.

Они продолжали разговор, делая вид, что не обращают внимания друг на друга.

– Повторяю свой вопрос, граф, что вы делали в этом квартале?

– Я ищу друга. Сегодня ночью он попал в какую-то ловушку, возвращаясь с бала.

– Его имя?

– Шевалье Бералек.

– Так скоро! – невольно вырвалось у аббата.

– Так вы знали об опасности, угрожавшей Ивону? – спросил Кожоль, немало удивленный этим восклицанием.

– Именно я и дал ему это поручение, – холодно отвечал

Монтескье, – и оно уже стоило жизни троим нашим.

Монтескье, не дороживший своей жизнью, точно так же относился к чужим.

Кожоль молчал.

– Итак, он умер? – спросил аббат.

– Нет, но положение его очень тяжелое.

Кожоль рассказал все, что он смог узнать.

– Что за люди, напавшие на него? – продолжал расспрашивать аббат.

– Не знаю. Известно только то, что на месте драки остался обезображенный труп одного из бандитов.

Аббат задумался.

Минуту спустя он спросил:

– Знаете ли вы о деле, порученном Бералеку?

– Кое-что он мне рассказал.

– Это правда, что вы друзья детства и что между вами не было тайн?

Кожоль собрался защищать Ивона, но аббат не дал ему заговорить.

– Но, граф, я не осуждаю вашего друга хотя бы потому, что именно благодаря этому мы можем найти его след, – произнес Монтескье, угадавший мысли Кожоля.

«Он прав, – подумал Пьер, – как бы я его теперь мог найти иначе!»

– Как вы считаете, кто мог его подобрать? – спросил аббат.

– Не знаю. Вначале я думал, что это был приказчик. Но

потом я понял, что незнакомый спаситель положил его на крыльцо, а хозяйка этого магазинчика приказала приказчику заняться им.

– И вы уверены, что шевалье действительно в этом доме?

– Убежден. Но они боятся признаваться в этом.

– Слушайте, граф... Сейчас вы дойдете до бульвара и подождете меня там. Я осмотрю пока дом и решу, что нам делать дальше.

Кожоль направился к бульвару. Дойдя до него, он обернулся.

Улица Монблан была перед ним как на ладони. Он увидел аббата, все еще читающего объявления. Затем тот двинулся к нему тем же мелким старческим шагом.

Поравнявшись с домом под номером двадцать, аббат, не замедляя шага, поднял глаза и увидел вывеску. Она состояла из трех слов: «Косметический магазин Сюрко». Аббат заметно вздрогнул и ускорил шаг навстречу Кожолю.

– Господин Кожоль, считаете ли вы, что обязаны мне повиноваться? – спросил он.

– Безусловно!

– Тогда я требую, чтобы ваш друг оставался в этом доме, а вы без моего разрешения не пытались добраться до него.

Кожоль сделал нетерпеливое движение.

– Я вам приказываю, сударь, в интересах дела, которому мы оба служим. Во имя короля, – добавил аббат.

Молодой человек молча поклонился и двинулся в путь.

Аббат бросил еще один взгляд на дом Сюрко и весело прошептал:

– Еще никому не удавалось избежать своей судьбы. Там или здесь, но Бералеку на роду написано быть соблазнителем ради торжества королевского дела!

Глава 9

Если даже осужденный на смерть имеет возможность проклипать своих палачей, то и подчиненный, естественно, имеет возможность возмущаться распоряжениями начальства.

Граф Кожоль, возвращаясь в отель, яростно ругал Монте-сье.

– Черт побери! Какая польза может быть для нашего дела от того, что Ивон будет сидеть в этой пудренице? Ладно бы только это. Так еще я не могу его видеть! Приказ, видите ли! С каким бы удовольствием я сейчас намял кому-нибудь бока!

В эту минуту над его ухом раздался рев:

– Да здравствует Директория!

Это был почтенный Жаваль, который, завидев издали своего жильца, таким образом свидетельствовал ему свое почтение.

При этом оглушительном реве разъяренный Кожоль обернулся.

Трактирщик, приготовивший улыбку, позеленел и затрясся.

– Ладно, Страус, у меня волчий аппетит. С самого утра я еще ничего не ел. Поворачивайся поживее, а то у меня кошки скребут в животе!

– Вы сядете за стол, не повидавшись с господином, кото-

рый уже час ожидает вас? – спросил Жаваль.

– Что? Меня ждут?

– Да. Гость правильно назвал вас – шевалье Бералек.

Кожоль вспомнил, что для трактирщика он был Бералек-ком.

«Ну и дела, однако, это становится забавным, – подумал Пьер. – По крайней мере, я убью время, пока аббат разрешит мне увидеться с другом».

– Так говоришь, что меня ждут наверху?

– Да, в вашей комнате.

– Хорошо, сейчас я поднимусь.

– Может, вы все-таки сначала пообедаете. Ведь завтрак, обед и ужин внесены в счет за комнату! – кричал Жаваль графу, который уже взбегал по лестнице.

Граф толкнул дверь и увидел гостя.

«Ну и рожа», – подумал Пьер.

Низкий лоб, тонкий рот почти без губ, глаза, прикрытые опущенными веками, угрюмое, сонное выражение лица. В глазах выражение хитрости и жестокости.

Посетитель сделал несколько шагов к графу и тихим голосом спросил:

– Вы шевалье Бералек?

«Он не знает Ивона», – подумал Кожоль, отвечивая поклон, который можно было принять за утвердительный ответ.

Затем молодой человек вопросительно посмотрел на го-

стя, ожидая, что тот назовет себя.

Тот понял:

– Меня зовут Фуше.

При этом имени граф содрогнулся от отвращения и ненависти. Фуше был известен тем, что, будучи представителем Директории в Лионе, ручьями лил кровь своих соотечественников.

– Что же вам угодно, гражданин Фуше? – спросил Пьер.

Фуше, будущий префект полиции, имел в то время сорок лет от роду. Видя по отношению к себе презрение и пренебрежение со стороны правителей и предчувствуя какой-то поворот в политике, этот человек прекрасно чувствовал, откуда дует ветер. Не доверяя успехам Бонапарта, Фуше прикидывал, не выгоднее ли будет присоединиться к роялистам. Короче говоря, он искал, кто бы смог подороже оценить его редкий талант.

Накануне, на балу Директории, он разгадал сцену между любовницей Барраса и неизвестным щеголем. Читатель помнит, что он вошел в комнату как раз тогда, когда Ивон бежал, воспользовавшись всеобщим замешательством. Молодой человек бежал так быстро, что Фуше не успел его разглядеть. Когда он помогал Баррасу переносить женщину, она что-то проговорила.

Директор спросил его об этом, но Фуше ответил, что он не разобрал слов.

На самом деле он прекрасно расслышал имя Ивона Бера-

лека, хорошо известное по восстанию шуанов.

«Этот молодой человек явно из агентов аббата Монтестье, – подумал он. – Барраса хотят купить. Ну что ж! Пусть покупают и меня! Надо отыскать этого парня!»

Кожоль прописался в книге Жавалья под именем Ивона Бералека, и Фуше без труда нашел его.

Когда Пьер спросил его о причине посещения, он резко ответил:

– Мне нужен аббат Монтестье.

– Но, гражданин Фуше, можно подумать, что господин Монтестье разгуливает по Парижу. Отправляйтесь в Лондон, он теперь там.

– Аббат в Париже. Я уверен в этом.

– В таком случае вы осведомлены лучше меня. Да и какое мне дело до аббата!

Фуше пристально поглядел на молодого человека:

– Вы отказываетесь мне отвечать?

– Нисколько. Но, к сожалению, я ничем не могу быть вам полезен по той простой причине, что я действительно не знаю, где находится господин Монтестье.

– И вы не встречали его?

– Вы действительно считаете, что здесь, в Париже, где есть столько способов развлечься, я буду искать какого-то аббата?!

Фуше понял, что молодой человек уклоняется от его вопроса.

– Однако я слышал, что с шевалье Бералеком можно посоветоваться, – сухо возразил он.

– Но, господин Фуше, почему вы во что бы то ни стало хотите увидеть во мне делового человека? Поглядите на меня. Мне двадцать восемь лет. В продолжение шести последних лет я только и делал, что стрелял, мне надоело все это. Слава богу, сейчас наступил мир. Объявлена амнистия. Я хочу наконец-то насладиться Парижем и всем тем, что он может мне предоставить. А вы хотите меня опять втянуть в политику. Ни за что! Я хочу просто жить!

Казалось, Фуше заколебался.

Фуше встал, подошел к молодому человеку и сказал медленно и четко, делая ударения на каждом слове:

– Послушайте меня, шевалье Бералек, и хорошенько запомните все, что я скажу. В Директории решается вопрос о том, чтобы поставить меня во главе полицейского управления. На этом посту я могу оказать услуги, и немалые, тем, кто окажется в стане моих друзей. Вы меня поняли? Не так ли?

– Превосходно.

– Ну так сделайте, чтобы это поняли и другие. Например, аббат Монтестье.

– Вы непременно хотите, чтобы я искал этого аббата!

– Нет. Но вы можете встретиться с ним.

– Разве что как-нибудь случайно.

– О, в жизни случается всякое, – сказал посетитель, на-

правляясь к выходу.

Когда Фуше уже взялся за ручку двери, Кожоль с самым беспечным видом произнес:

– Именно об этом я и думаю!

– О чем? – повернулся посетитель.

– Если тот случай, о котором вы говорите, не представит-
ся? И эта встреча не состоится?

– Так что же?

– Что тогда будет?

– Видите ли, шевалье, насколько я знаю, вы хорошо изу-
чили женское сердце?

– Это правда.

– Ну а если вы отвергаете женщину, которая вас любит?...

– Никогда! – искренне возмутился Пьер.

– Но, допустим...

– Ну ладно.

– Что она делает после вашего отказа?

– Она мстит, – отвечал граф.

– Вы сами произнесли это, – сказал Фуше, и взгляд его
стал жестким.

Не прибавив больше ни слова, он откланялся и вышел.

Не отрывая взгляда от двери, граф пробормотал:

– Ничего себе шуточку я придумал! Я хотел отвести от
Ивона опасность, а, кажется, приобрел ему серьезного вра-
га...

Но постепенно он успокоился:

– В конце концов этот Фуше знает только меня, и если аббат откажется от его услуг, то мстить он будет только мне.

В дверь легонько постучали. Она приоткрылась, и в проеме показалась угодливая фигура Жавалья.

– Чего тебе, Страус?

– Я принес письмо.

– Мне?

– Во всяком случае, когда его принесли, то назвали ваше имя.

– Но тут нет никакого имени, – сказал удивленный Пьер, вертя в руках конверт без надписи.

– Тот, кто его принес, сказал: «Передайте вашему постояльцу, молодому человеку, приехавшему из Бретани», а так как у меня нет других постояльцев...

– И я действительно из Бретани...

– Так оно вам, – заключил Жаваль.

Кожоль сломал печать.

Письмо было без подписи.

«Сегодня вечером, в десять часов, будьте перед новой калиткой „Люксембург“».

Пьер колебался.

«Ивону или мне назначено это свидание?» – спрашивал он себя.

Жаваль же подумал, что полиция требует отчета о нем. Пьер колебался недолго.

– Иду, – прошептал он.

Глава 10

Ворота Люксембургского сада, носившие название «Новая калитка», выходили на безлюдную местность. Шестнадцать лет назад западная часть сада была такой же, как и теперь. Весь треугольник, составляющий в настоящее время перекресток между улицами Западной и Вожирар, был отведен под устройство балаганов, кафе и общественных гуляний. Одним словом, он должен был конкурировать со знаменитой ярмаркой Святого Лаврентия, находившейся в том же квартале.

Приступили к работе, очистили место от деревьев, но на этом и остановились. Дорога, впоследствии получившая название улицы Богоматери, не слишком пробуждала охоту строиться. Для приманки было обещано, что все дома, выстроенные возле сада, будут иметь выход в «Люксембург» с правом пользоваться им даже тогда, когда публика туда допускаться не будет. Но подрядчики не хотели заниматься этой улицей. В тысяча семьсот девяносто восьмом году на ней было только два дома со стороны улицы Вожирар.

Остальное место занимал пустырь, покрытый ямами от выкорчеванных деревьев, которые никто и не подумал засыпать.

Можете себе представить, как опасно здесь было ночью, учитывая мошенников, наводнивших город, и полицию, ко-

торая занималась только политикой!

Вот появилась какая-то тень.

– Черт побери! Здесь темнее, чем в печи! Ай да местечко! Честное слово, здесь спокойно можно душить людей, – бормотал чей-то голос.

Рассуждая так, Кожоль (а это был именно он) вдруг остановился.

– Может быть, меня специально заманили сюда, чтобы без шума отправить на тот свет? Эти прелестные ямки вполне смогут послужить могилой...

Он усмехнулся и продолжал свой путь.

Ощупал широкий тесак в рукаве.

«С этим можно продержаться довольно долго», – размышлял он.

Привыкший к длительным ночным переходам, Кожоль без особого труда подвигался по пустырю.

«Что же меня ожидает? Опасность или радость? И кому была предназначена записка? Мне или Ивону?»

Часы пробили три четверти десятого.

«Через несколько минут я буду все знать», – успокаивал себя Кожоль.

В это время впереди показалась группа людей. Шестеро шли впереди и несли что-то тяжелое. А четверо шли за ними. Кожоль спрятался за поваленным деревом. Он увидел, что несли что-то в мешке, из которого слышались какие-то сдавленные крики. До ушей графа донеслись тихо сказанные

слова:

– Надо будет вынуть кляп, а потом быстренько вставить его обратно. А то его мяуканье разбудит всех вокруг.

Носильщики тотчас положили на землю свою ношу и принялись распутывать веревки, которыми она была связана.

Как только жертва почувствовала относительную свободу, она издала крик, но тут же сильная рука сдавила ей горло.

– Не перестарайся, Жак, эта жизнь стоит не так мало, – произнес тот же голос.

– Не беспокойся, я легонько, – ответил тот, которого называли Жаком.

– Надо ему заткнуть рот, – произнес третий голос.

– Дайте ему перевести дух, а то еще задохнется.

Кожоль слышал из своего убежища хриплое дыхание жертвы. Он уже хотел броситься на помощь, но благоразумие удержало его.

Несчастливая жертва спросила умоляющим голосом:

– Ради бога, куда вы меня несете?

– Скоро сам узнаешь.

– Вы хотите бросить меня в Сену?

– Ну, этого тебе бояться нечего.

– Что вы хотите сделать со мной?

– Всего лишь сменить убежище.

– И я никогда не попаду на свободу?

– Завтра, если ты этого захочешь, будешь свободен.

– Что я должен сделать, ради бога...

– Тебе уже не раз говорили. Расскажи Точильщику то, что он от тебя требует...

– Никогда!

– Это твое последнее слово?

– Никогда, – повторил пленник.

– Кляп! – распорядился первый голос.

– Выслушайте меня, умоляю вас...

– Говори!

– Отпустите меня. Я дам сто тысяч экю!

Кто-то весело рассмеялся.

– Двести тысяч, только освободите...

– Сознайся Точильщику, и завтра будешь свободен.

– Никогда, – повторил пленник.

Кляп был вставлен, несчастный засунут в мешок, и шествие исчезло во мраке.

«Странно, – подумал Кожоль, – я никогда не оставался бесчувственным, если слышал крик о помощи. Но я не почувствовал ни малейшей жалости к этому человеку, который с такой легкостью предлагал сумму в двести тысяч экю...»

Он улыбнулся.

«Черт побери! Этот Точильщик имеет полное право гордиться своими людьми! Подчиненные, которые отказываются от двухсот тысяч экю!.. Неплохо было бы познакомиться с этим парнем!»

Когда граф подошел наконец к калитке, пробило десять часов.

«Кажется, я не опоздал, – подумал Пьер, – теперь бы узнать, кто назначил мне свидание...»

Захрустел песок под чьими-то шагами. На калитку упала тень.

– Хороший признак, – прошептал Кожоль, – женщина. Должно быть, служанка, которую послала ее госпожа. Как же я буду выпутываться из этой истории?

Нежный голосок спросил его:

– Вы прибыли из Бретани?

– Я приехал вчера утром.

– Где вы остановились?

– В гостинице «Страус».

– Хорошо. Подождите.

Ключ взвизгнул в скважине. И пока отпирали калитку, граф лихорадочно соображал: «К кому же относится приглашение? Ко мне или Ивону?»

Он проскользнул в полуотворенную калитку. Ее тотчас же снова заперли.

– Дайте мне руку, – сказала женщина.

Пьер повиновался.

Под густыми деревьями было так темно, что без своего проводника Пьер не смог бы сделать и двух шагов.

«Ручка нежная и тонкая, – рассуждал Кожоль, – служанка из хорошего дома».

Наконец они выбрались из-под деревьев на открытое место, и Пьер отчетливо увидел заднюю стену дворца.

Девушка направилась к двери, которая открылась у нижней ступени маленькой лестницы.

«Потайная лестница, – подумал Кожоль, – но... кого же здесь все-таки ожидают, меня или Ивона?...»

Пройдя шагов двадцать, женщина свернула вправо и прошла еще немного, ведя графа за руку.

– Где-то здесь возле вас должна быть софа, – произнесла она.

Кожоль ощупью нашел софу.

– Садитесь и ждите.

Но Пьер не отпускал руки своей спутницы.

– Неужели вы оставите меня в темноте?

– Тот, кто живет в комнате напротив, мог бы заметить свет.

«Тот! – отметил мысленно Кожоль. – Значит, дама замужем».

Граф все еще держал девушку за руку, хотя та отчаянно пыталась освободиться.

– Но, милое дитя, как я смогу увидеть лицо твоей госпожи?

– Оно прекрасно и в темноте.

Обрадованный Кожоль отпустил наконец девушку, и она исчезла.

«Ах, – думал он, – стало быть, она прекрасна! Это замечательно, вот только бы узнать точно, не Ивону ли предназначается это счастье?»

Раздался легкий шорох.

– Это она, – пробормотал граф.

Но прежде чем он успел что-либо сказать, его шею уже обвивали две нежные руки, маленький рот осыпал его жгучими поцелуями, бормоча: «Я люблю тебя».

Кровь бросилась Кожолю в голову. Бералек был забыт, сомнения отброшены...

Ну да ему ведь было всего двадцать восемь лет!

Через несколько минут об Ивоне вспоминать уже было поздно.

Триумф Кожоля был из тех, которые заставляют краснеть победителя.

Несмотря на признание в любви, женщина искренне сопротивлялась. Кожоль пришел в себя от того, что она зарыдала. Он склонился к ней, полный стыда и раскаяния. Вдруг она вскочила, словно почувствовав опасность.

– Беги... или ты погиб!

Через щель в двери пробился луч света. Кто-то шел по коридору со свечой в руке.

Прежде чем Кожоль успел ей что-либо сказать, она выскочила за дверь навстречу неожиданному гостю.

Пьер остался один в потемках. Вместо того чтобы бежать, он сидел и думал о той, которой овладел, не видя ее лица.

Подойдя к двери и заглянув в замочную скважину, граф еле сдержал крик изумления.

«Она действительно прекрасна», – подумал он.

Высокая, с матовым цветом лица, свойственным смуглянкам, с небольшим розовым ртом, она была ослепительно хороша. Огромные черные глаза таили в себе страсть и недюжинную энергию. В ней было что-то от тигрицы, которую почему-то принимали за кошечку.

Вошедший зажигал свечи, поэтому не видел взгляда, которым его наградила эта женщина. Вряд ли он оставался бы столь беспечным, если бы смог его заметить. Но он был слишком занят. Наконец он зажег свечи и обернулся. Кожоль сразу же узнал его.

– Баррас!

Директор сел рядом с женщиной и взял ее за руку.

– Жестокая! – произнес он, целуя кончики ее пальцев.

– Жестокая? Чем же я провинилась перед вами?

Мелодичный голос в сочетании с очаровательной улыбкой мог смягчить даже стены.

«Н-да! – подумал Пьер. – Минуту назад я мог поручиться, что она готова убить его, а сейчас. Этот тон... эта улыбка...»

Между тем за дверью продолжался разговор.

– Да-да, жестокая, – говорил Баррас, – я так беспокоился, пока искал вас... Куда же вы исчезли? Елена...

– Елена! Какое прекрасное имя, – пробормотал Кожоль.

– Я уже говорила вам, виконт, что хотела зайти в одну из комнат, выходящих в сад, чтобы спокойно подышать свежим воздухом. Прилегла и вздремнула... Когда я увидела вас, мне даже не пришло в голову, что прошло много време-

ни...

– И вы шли встречать меня? – взволнованно спросил Баррас.

– А куда еще я могла здесь пойти? Я никого не знаю, да и никому не интересна, кроме вас...

– Да, но моя любовь вас ни капельки не трогает. Неужели вы никогда не полюбите меня?!

– Разве вы не уверены в моей дружбе?

– Зачем вы притворяетесь, Елена? Вы прекрасно понимаете, о чем я говорю. Я хочу не дружбы, а любви...

Баррас упал к ногам Елены. Кожоль отодвинулся от двери. «Кажется, я сыграл дурака, мне здесь не место. Нужно скорее бежать отсюда».

Но... ему так не хотелось уходить. Ему хотелось вымолить прощение за свою великолепную ошибку. Он еще не догадывался, что влюблен, но уже ревновал к Баррасу.

Он снова склонился к замочной скважине.

«А, так его дела идут не лучше, чем прежде», – довольно подумал он.

Директор, стоя на коленях, умолял Елену сжалиться над ним.

Елена хохотала. Потом довольно сухо обратилась к нему:

– Довольно. Однако, виконт, вы забываете о наших условиях.

Баррас медленно выпрямился.

Он был укрощен. Всем, кто его знал, это укрощение до-

ставило бы много забавных минут, так как до сих пор он не знал поражений.

Равнодушие Елены вместо раздражения вызывало в нем чувство приниженности.

– Почему вы так безжалостны ко мне? – со слезами в голосе спрашивал он.

– Ну что вы, – возразила молодая женщина насмешливым тоном, – я готова сходить с ума от любви к вам!

– Елена, ради всего святого, этот тон... не надо насмешек... Я действительно страдаю!

– Так мне теперь страдать и плакать из-за того, что вы влюбились в меня?

– Значит, я не достоин даже жалости? Я не вызываю в вас ничего, кроме ненависти к себе? – вскричал Баррас.

– Ну к чему эти крайности? Почему вы считаете, что если я не умираю от любви к вам, значит, я должна вас ненавидеть. Вспомните, когда мы познакомились, вы мне сказали: «Позвольте мне любить вас и, может быть, настанет время, когда вы ответите мне взаимностью. Я буду терпеливо ждать». Я любопытна. Мне было интересно, действительно ли развратник Баррас способен искренне полюбить...

– Но теперь вы знаете это, – вздохнул Баррас.

– Да, я признаю искренность ваших чувств.

– Так почему же вы меня отталкиваете?

Елена засмеялась:

– Но тот день, про который вы говорили, еще не настал. Я

не полюбила вас. И если вы не перестанете меня преследовать подобными сценами, он может и не настать.

Это было сказано таким неумолимо холодным тоном, что Баррас мгновенно отрезвел.

В его глазах сверкнула молния. Он схватил Елену за руку.

– Кто вы? Кто поставил вас на моем пути? Ведь вы явно проводите свою линию, вы направленно мучаете меня, не давая ничего взамен...

– Вы хотите, чтобы я покинула дворец? – холодно спросила Елена, освобождая свою руку.

– Да, беги, потому что больше я за себя не отвечаю!

Она медленно направилась к двери, противоположной той, у которой находился Кожоль, отворила ее и произнесла:

– Прощайте, Баррас!

Но при мысли, что он может потерять эту женщину, мужество покинуло виконта.

Он бросился к ней, упал на колени, протянул руки и зарыдал:

– Умоляю вас, останьтесь! По крайней мере я смогу видеть вас ежедневно, если уж вы не можете ответить мне любовью!

– Возможно, это время придет когда-нибудь, – отвечала она, смягченная видом его неподдельного страдания.

– Нет, Елена, я прекрасно понимаю это. И понимаю, что произойти это не может только из-за того, что вы любите другого!

Елена вздрогнула:

– Я? Люблю? Кого же?

– Откуда я знаю? Возможно, того молодого человека, один вид которого вызвал у вас обморок, когда он пытался передать вам эту игрушку. Вы даже не взяли ее в руки...

– Обморок к этому молодому человеку не имеет никакого отношения. Я была слишком взвинчена вашими гостями, и вы прекрасно это знаете. Я его и не видела-то никогда раньше...

– Тем лучше, если вы не любите этого несчастного щеголя.

– Почему несчастного?

– Потому что из полицейских донесений я узнал, что он был убит, когда выходил отсюда.

– И есть доказательства, что убитый именно он?

– Моя печать, которую я вручил ему. Ее нашли на месте убийства.

Ей почему-то стало душно. Она вскрикнула и посмотрела на дверь, ведущую в другую комнату. Она искала ответ на вопрос: «Кто же тогда держал меня в объятиях?»

Баррас, проследив ее взгляд, схватил с камина канделябр и распахнул дверь...

Комната была пуста.

Тайного посетителя, которого она приняла за Ивона Бералека, уже не было.

У нее вырвался крик бешенства при мысли о том, что она

не знает этого человека. Что он владеет ее тайной, что он может самодовольно улыбаться, восхищенный своим триумфом...

При мысли, что этот наглец может навсегда остаться неизвестным, жажда мести охватила ее. Она посмотрела на Барраса, который ничего не мог понять.

– Вы по-прежнему хотите заслужить мою любовь? – спросила она Барраса тоном, от которого у него по спине пробежал холодок.

– Чего вы хотите? Для того чтобы добиться вашей любви, я готов совершить даже невозможное!

– Здесь сейчас был человек, который нас подслушивал. Он не мог далеко уйти. Найдите мне этого человека, Баррас!

Лицо ее исказилось от ненависти.

– И что потом? – с беспокойством поинтересовался Баррас.

– Если вы его найдете – я ваша!

Баррас бросился из комнаты.

Минуту спустя дворец ожил. Сад осветился факелами, гвардейцы, охранявшие безопасность членов Директории, рыскали по всем направлениям.

Все были возбуждены и взволнованы, дворец гудел слухами. Говорили, что какой-то негодяй организовал покушение на жизнь Барраса.

Не произнося ни единого слова, Елена наблюдала за этой суетой из окна.

Но что же с Кожолем?

Граф до конца слышал разговор Елены с Баррасом и убедился в том, что он действительно занял место Ивона.

– Что же я натворил?! – с горечью повторял он.

Он понял, что пора бежать.

Осторожно спустившись с лестницы, по которой обычно ходила прислуга, он очутился перед цветником.

– Главное сейчас – не потерять голову и добраться до калитки. По ее решетке я смогу перебраться через стену. Но хотел бы я знать, что предпримет Баррас, чтобы поймать меня?

Как только он достиг ограды, мелькнувший вблизи свет заставил его обернуться.

– Кажется, влюбленный решил устроить эффектную охоту с факелами. А я – олень, из-за которого и устроена эта охота...

Он уже добрался до стены, когда голоса солдат заставили его остановиться.

– Когда этот разбойник взберется на стену, не вздумайте стрелять. Его надо схватить живым...

«Все ясно. На улице дозор. Кажется, я попал в настоящий капкан, – пробормотал Кожоль. – Самое интересное, что если меня схватят, то я даже ничего не смогу сказать в свое оправдание, – продолжал он разговор сам с собой, – не могу же я компрометировать даму! Она, конечно, ненавидит меня. И, говоря откровенно, у нее есть для этого основания!»

Размышляя подобным образом, Пьер тем не менее продолжал прислушиваться к тому, что говорили за стеной.

– Значит, не вздумайте стрелять. Надеюсь, вы хотите получить обещанную награду и двадцать луидоров за поимку злодея, покушавшегося на жизнь директора Барраса!

При этих словах граф вздрогнул.

«Черт побери! Ничего себе положение! С одной стороны, я ни в коем случае не могу компрометировать Елену. Но с другой... Меня обвиняют в покушении на убийство! Скверное положение! Баррасу, безусловно, поверят. Тем более что господа республиканцы с удовольствием видят в шуанах чудовищ».

Пьер осмотрелся. Со всех сторон сад был заполнен людьми. Остаться на одном месте было опасно. Он направился вправо от ворот, ведущих на улицу Богоматери, туда, где к ней примыкала улица Ада. Он еще рассчитывал на то, что дозоры не могли успеть окружить всю стену.

Пользуясь темнотой и деревьями, как прикрытием, он передвигался по саду, пока не добрался до открытой лужайки, которую невозможно было обойти. Он бросился вперед. Но его заметили. Толпа охотников бросилась к добыче.

Кожоль сохранил веселое состояние духа, несмотря на опасность.

«Кажется, я им нравлюсь в роли оленя. Счастье, что я никогда не жаловался на ноги. Прежде чем эта неповоротливая сволочь меня нагонит, я должен добраться до улицы Ада!»

Пьер бросился к выходу, но решетка была заперта, а за ней сверкали ружейные стволы.

– Поищем в другом месте, – сказал Кожоль, оглядываясь в сторону преследовавшей его толпы.

Заметив, что жертва остановилась, преследователи изменили тактику. Теперь они шли цепью, концы которой должны были сойтись, взяв добычу в круг.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.